

Совершенно секретно

Экз. № 2309

СБОРНИК КГБ СССР

132

№ 0042

Прих. № 1369 Экз. № 2309

СПЕЦБИБЛИОТЕКА
КГБ Литовской ССР

Москва 1989

СБОРНИК КГБ СССР

Основан в апреле 1959 года

Выходит один раз в месяц

СОДЕРЖАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

В Комитете госбезопасности СССР	3
С заботой о людях. Совершенствовать работу с письмами и прием граждан	3
Поощрены Председателем КГБ СССР	9

ПЕРЕСТРОЙКА: ПОИСК, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Дискуссионная трибуна. Экзамен на чекистскую зрелость. Участники «круглого стола» в Минске обсуждают проблемы совершенствования агентурной работы	10
В. СКОМОРОХОВ, Е. ЛУКИН — Понять свое время. Очерк	25
А. ЗДАНОВИЧ — Тревожные дни и ночи Тбилиси. Репортаж из зоны действия оперативной группы военной контрразведки	33
Чекистский характер. С. ЛОБАНОВ — Война для него продолжалась...	41
А. ИЗМОДЕНОВ, Н. ДАВЫДОВ — Попытка угона самолета предотвращена	48
П. ГОНТАРЕВ — Не оставлять без внимания	53
А. ГАНЕНКО, А. БУГАЯН, В. НОВИКОВ — Они еще в подполье и действуют	55

132

МАЙ
1989
МОСКВА

Прих. №1362 Экз. №2309

СПЕЦБИБЛИОТЕКА

КГБ РСФСР СССР

KGB Document

1

СЛЕДСТВИЕ И ДОЗНАНИЕ

М. ГЕОРГИЦА, И. ТАНОШКИН — Первый
опыт использования ЭВМ при расследова-
нии уголовных дел 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. В. Толкунов (ответственный редактор), В. И. Алексеев, П. Ф. Дубровин,
В. П. Колесников, Л. А. Постников, К. Т. Пястолов, В. Н. Растрогуев (зам.
ответственного редактора), Е. Д. Сахаров, В. П. Скоморохов (ответственный
секретарь), Н. Н. Скороваров (зам. ответственного редактора), И. И. Устинов,
В. С. Широнин, И. И. Якушев.

В «Сборнике КГБ СССР» № 132 пронумеровано 64 страницы.

Упоминающиеся в статьях фамилии и псевдонимы в необходимых случаях
изменены авторами или редакцией.

Адрес редакции (для секретной переписки): Москва, редакция «Сбор-
ника КГБ СССР», телефоны ОС 89-21-94, 89-20-22.

Корректоры: Л. И. Никифорова, Н. В. Чищевая,
Р. А. Донская, Л. И. Шулепова

Сдано в набор 12.05.89. Подписано к печати 31.05.89.

Формат бумаги 70×108^{1/16}. Заказ 0031. Тираж 4000 экз. Инв. № 0042.

Типография Хозяйственного управления КГБ СССР

ОФИЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

В КОМИТЕТЕ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

19 мая Коллегия КГБ СССР обсудила вопрос о совершенствовании разведывательной работы с территории СССР. Создана комиссия по подготовке проекта решения по этому вопросу.

На Коллегии был оглашен приказ Председателя КГБ СССР о поощрении группы сотрудников Седьмого управления КГБ, успешно осуществивших операцию по обезвреживанию преступников, которые захватили заложников в Саратове 11—12 мая.

Тов. Крючков В. А. и присутствовавшие на Коллегии тепло приветствовали участников успешной чекистской операции.

С ЗАБОТОЙ О ЛЮДЯХ

Совершенствовать работу с письмами и прием граждан

В соответствии с решением Совещания руководства КГБ СССР от 10 февраля 1989 года Инспекторским управлением и Секретариатом КГБ СССР обобщена работа с письменными и устными обращениями граждан, военнослужащих, рабочих и служащих, пенсионеров КГБ и членов их семей в системе Комитета госбезопасности СССР за 1986—1988 годы.

В КГБ—УКГБ союзных и автономных республик, краев, областей и подразделения центрального аппарата поступило писем граждан и рапортов сотрудников: в 1986 году — 124 770, в 1987 году — 124 643, в 1988 году — 127 295. Принято посетителей: в 1986 году — 36 992, в 1987 году — 37 823, в 1988 году — 37 929. Из общего числа этих обращений 86 процентов имели непосредственное отношение к компетенции органов госбезопасности, из которых 5 процентов носили сигнальный оперативный характер, 65 процентов составляли рапорта военнослужащих, рабочих и служащих, пенсионеров КГБ и членов их семей по кадровым, социально-бытовым вопросам, 2 процента — жалобы на неправильное поведение сотрудников на службе и в быту, остальные — пред-

ложении по совершенствованию деятельности органов КГБ, благодарственные письма, а также различные просьбы.

В органах и войсках КГБ в последнее время повысилась ответственность руководящего состава и всех сотрудников КГБ за своевременное и правильное решение вопросов, поднимаемых в обращениях граждан, более квалифицированно и внимательно стали относиться к их жалобам и заявлениям. Это вызывает у советских людей чувство удовлетворения и благодарности, укрепляет доверие к сотрудникам госбезопасности, что нашло отражение в увеличении в 1988 году в 2,5 раза по сравнению с предыдущими годами числа обращений граждан с признательностью в адрес органов КГБ. Авторы писем благодарили сотрудников за своевременное предостережение их от совершения противозаконных действий, за чуткость и внимание, проявленные при рассмотрении конкретных дел, связанных с реабилитацией родных и близких, репрессированных в 30-е годы, за оказанную шефскую помощь детским домам, решение социально-бытовых, жилищных и других личных вопросов, а также за большую работу и помощь при установлении фактов, подтверждающих участие заявителей в Великой Отечественной войне, и т. д. Благодарственные письма за оказанную конкретную помощь получили более 100 КГБ—УКГБ, из них наибольшее число—КГБ Украинской ССР, УКГБ СССР по Ставропольскому краю, УКГБ СССР по г. Москве и Московской области, Горьковской, Курской, Смоленской и другим областям.

Расширение гласности, публикации в средствах массовой информации вызвали заметный интерес к работе органов КГБ. Многие авторы высоко оценивают их деятельность в современных условиях. Так, житель Калининградской области И. П. Андрющенко, делясь впечатлениями о прочитанном, в своем письме высказал мысль о том, что «в настоящее время можно положиться на органы КГБ, потому что, обращаясь к чекистам по любым вопросам, люди находят у них понимание и поддержку».

Ряд авторов отмечают гуманизм и мужество сотрудников КГБ. Например, учащийся из Ставрополя Д. Еременко, высказывая благодарность органам госбезопасности за воспитание отличившегося при проведении операции «Гром» чекиста Е. Г. Шереметьева, спрашивает, куда ему обратиться, чтобы учиться чекистскому делу и затем работать рядом с ним.

С просьбами о приеме на службу в органы КГБ обращаются и многие другие заявители. Всего таких писем за три года поступило около 16 тысяч.

Наряду с благодарственными отзывами в органы госбезопасности поступают письма с конкретными предложениями по совершенствованию работы чекистских коллективов, а также с критическими замечаниями, которые в основном сводятся к следующему:

не допускать ошибок прошлого, отказываться от многих нежелательных стереотипов, тщательно подбирать кадры на работу, исключить попадание на службу нечестных, корыстных людей;

действовать с опережением, а не оправдываться, не жалеть ни средств, ни времени на доведение до общественности через печать, радио, телевидение информации о трудном и благородном труде чекистов, особенно наших дней, чтобы молодежь знала, что «ЧК—это щит и меч не только Октябрьской революции, но и перестройки»;

органам КГБ участвовать в реабилитации по месту работы лиц, ранее необоснованно профилактированных;

чекистским органам быть более решительными в противодействии отдельным проявлениям, имеющим политически нездоровую окраску;

активизировать борьбу с экстремистами из неформальных общественных объединений.

Подобные письма были получены 38 органами КГБ. Их общее число по сравнению с предыдущими годами в 1988 году возросло более чем в два раза.

В органы госбезопасности поступило 16 016 обращений, содержащих сигнальную оперативную информацию, из которых каждая третья нашла подтверждение. На их основе за последние три года заведено 268 дел оперативного учета, зарегистрировано 1974 сигнала, возбуждено 33 уголовных дела. Направлено для проверки и принятия мер 1616 информаций в партийные, советские и хозяйственные органы, 1600 информаций в правоохранительные органы. Так, по результатам проверки заявления жительницы Ижевска была предотвращена попытка измены Родине в форме бегства за границу.

Однако число подобных и других сигнальных сообщений граждан в органы КГБ в прошлом году сократилось на 41 процент по сравнению с предыдущими годами. Причины этого процесса требуют отдельного изучения.

Общее число жалоб граждан за последние три года на нарушения их конституционных прав в процессе оперативно-служебной деятельности органов КГБ (необоснованное лишение допуска, отказ в выезде за границу, незаконное проведение профилактики и т. д.) составило 1246, в том числе в 1987 году—450, в 1988 году—381. Из них подтвердилась полностью или частично каждая шестая. Уменьшение числа таких жалоб свидетельствует о повышении внимания руководителей органов к воспитанию военнослужащих КГБ в духе неукоснительного соблюдения ими принципов социалистической законности в своей работе. Следует отметить, что в 62 органах таких жалоб вообще не поступало.

Причинами допущенных нарушений являются, как правило, недостаточная профессиональная и правовая подготовка сотрудников КГБ, превышение ими служебных полномочий, поверхностный подход к оценке имеющихся в отношении отдельных граждан оперативных материалов.

Отмечается некоторое уменьшение числа заявлений и жалоб граждан по вопросам неправильного поведения военнослужащих, рабочих и служащих на службе и в быту. Так, в 1987 году таких

обращений поступило 1486, в 1988 году — 1083, в том числе на действия руководящего состава соответственно 569 и 388. Каждое третье такое заявление полностью или частично подтверждалось.

Обращает на себя внимание рост, хотя и незначительный, повторных обращений с жалобами на неправомерные действия сотрудников и их неправильное поведение на службе и в быту (298 в 1988 году против 277 в 1987 году). Это означает, что не все вопросы, поставленные в жалобах граждан, были полностью решены.

Проверки жалоб и заявлений действующих и бывших агентов, а также граждан, которых органы госбезопасности пытались привлечь к негласному сотрудничеству, показывают, что руководящий и оперативный состав в работе с агентурой и доверенными лицами допускает серьезные нарушения. По этим вопросам в КГБ СССР и 18 территориальных органов поступило 112 заявлений, из которых 55 повторных. Это говорит о том, что жалобы агентов на местах рассматриваются невнимательно. В результате проведенных расследований по ним выявлены нарушения принципов конспирации в работе с агентами и кандидатами на вербовку, неквалифицированные действия в ходе реализации добытых агентурным путем материалов на объектов дел оперативного учета, слабая зашифровка агентов и несвоевременный вывод их из разработок, отсутствие целенаправленной воспитательной работы с агентами, ориентация их на вопросы, не входящие в компетенцию органов госбезопасности, а также недостаточно глубокое изучение политических, деловых и личных качеств кандидатов на вербовку. Поводом для обращения ряда агентов в органы КГБ послужили случаи безответственного и бездушного отношения отдельных оперативных работников к их судьбам и просьбам (КГБ Азербайджанской ССР, УКГБ Туркменской ССР по Марыйской области, УКГБ Казахской ССР по Кокчетавской и Целиноградской областям, УКГБ СССР по Куйбышевской и Свердловской областям и другие).

В прошедшем году значительно увеличилось количество обращений по вопросам, связанным с репрессиями 30—40-х и начала 50-х годов (1986 год — 1347, 1987 год — 2078, 1988 год — 10 159). Изданые КГБ СССР нормативные акты, регламентирующие эту работу, не снимают всех вопросов, возникающих при рассмотрении таких обращений. Заявители настаивают на ознакомлении их с материалами архивных уголовных дел, просят сообщить места захоронения погибших родственников, привлечь к ответственности виновных в репрессиях лиц и т. д., то есть поднимают такие вопросы, которые в настоящее время полностью удовлетворить не представляется возможным. В связи с большим объемом такой работы органами КГБ вносятся предложения о кадровом укреплении данных участков (КГБ Карельской, Татарской АССР, УКГБ УССР по Хмельницкой области, УКГБ СССР по Воронежской области и другие), законодательном увеличении сроков решения этих обращений, широком обмене опытом работы на страницах «Сборника КГБ СССР».

Десятым отделом КГБ СССР готовится аналитический обзор о работе с заявлениями и жалобами по вопросам реабилитации.

В КГБ СССР и его органы на местах ежегодно поступает значительное количество писем по вопросам, не относящимся к компетенции органов госбезопасности: в 1986 году — 22 558, в 1987 году — 16 190, в 1988 году — 12 945. Как правило, в них содержатся жалобы на деятельность правоохранительных, партийных и советских органов, на нарушения в работе предприятий, учреждений и организаций. При этом заявители в большинстве случаев знают, что поднимаемые ими вопросы не относятся к компетенции органов КГБ, однако, считая их «последней инстанцией», которая в состоянии решить все, направляют письма и ожидают помощи, положительного решения. В некоторые органы подобных писем поступает более половины (КГБ Азербайджанской ССР — 75 процентов, Дагестанской АССР — 59 процентов, УКГБ УССР по Днепропетровской области — 55 процентов). В соответствии с существующим в нашей стране законодательством письма подобного характера в установленном порядке направляются по принадлежности. Однако в отдельных органах (КГБ Северо-Осетинской АССР, УКГБ СССР по Вологодской области и др.) некоторые такие обращения принимают к рассмотрению по существу, что приводит к неправомерному вмешательству в функции других ведомств, предприятий и организаций, неправомочному решению вопросов и последующим жалобам.

В подразделениях центрального аппарата и органах КГБ на местах совершенствуется организация работы с письмами. Почти половина поступивших в органы КГБ писем докладывается их первым руководителям. Вопросы работы с письменными и устными обращениями граждан чаще стали рассматриваться в прямой постановке на коллегиях, советах, парткомах. Практикуется коллегиальное рассмотрение заявлений и жалоб с выездом на места, а также информирование чекистских коллективов о результатах их рассмотрения. Появились такие новые формы обсуждения работы с письмами, как «круглые столы», научно-практические конференции (КГБ Кабардино-Балкарской АССР), семинары (КГБ Таджикской ССР), рефераты (КГБ Киргизской ССР), обзоры о практике работы с письмами (КГБ Белорусской ССР) и др.

Усилилось внимание руководителей органов и к личному приему граждан. Более 60 процентов из них принималось руководящим составом, в том числе каждый четвертый посетитель принимался руководителями органов. Примером ответственного подхода в данном вопросе является работа руководства КГБ Украинской ССР.

Проявляя заинтересованность в дальнейшем улучшении работы с письмами и приема граждан, органы КГБ высказали свои предложения: периодически освещать эту деятельность на страницах печатных чекистских изданий, выделить должностных лиц, которые занимались бы организацией всей работы с письмами и приемом граждан, ввести должность переводчика для приема граждан и перевода писем с национальных языков на русский,

обеспечить органы КГБ в централизованном порядке средствами вычислительной техники.

Несмотря на улучшение организации работы с письмами и приема граждан, в этой деятельности еще отмечаются упущения и недостатки. Так, в отдельных органах (КГБ Армянской, Литовской ССР, Карельской АССР и др.) не организован должным образом контроль за рассмотрением обращений, допускались случаи нарушения сроков, необоснованных задержек, формального отношения, поверхностного и некачественного разбирательства, что приводит к повторным обращениям граждан. В некоторых КГБ—УКГБ не налажена должным образом работа по изучению и анализу писем (КГБ Грузинской ССР, УКГБ Казахской ССР по Алма-Атинской области, УКГБ СССР по Пензенской области и др.).

В большинстве случаев результаты рассмотрения конкретных жалоб до сведения коллектива не доводятся. Мало жалоб и заявлений проверяется коллегиально, а также с выездом на места.

В ряде органов (КГБ Азербайджанской ССР, УКГБ СССР по Сахалинской, Томской, Тюменской областям), куда поступает значительное количество письменных и устных обращений граждан и где состояние работы с письмами требует повышенного внимания, эти вопросы в прямой постановке на коллегиях и в партийном порядке не рассматривались.

Еще не во всех КГБ—УКГБ (около 17 процентов) имеются помещения для приема граждан, а в тех из них, где такие помещения есть, многие не в полной мере отвечают предъявляемым требованиям.

На основе изложенного в целях дальнейшего совершенствования работы с письмами и приема граждан представляется целесообразным осуществить следующие меры:

1. Руководителям органов КГБ на местах, командирам и полигорганам воинских частей, начальникам подразделений центрального аппарата сосредоточить внимание на действенном контроле за точным соблюдением установленного законом порядка работы с письмами и приема граждан в органах КГБ, а также полнотой и качественным рассмотрением устных и письменных обращений советских людей. Повысить ответственность сотрудников за своевременное и правильное решение вопросов, поставленных в заявлениях. Для этого необходимо обеспечить личное участие в этой работе всего руководящего состава, а в проверке жалоб и заявлений, в которых ставятся вопросы государственной важности или нарушений социалистической законности со стороны сотрудников органов КГБ,—личное участие руководителей органов.

2. Повысить уровень политической, правовой культуры и профессиональной подготовки руководящего и оперативного состава, принимающего участие в рассмотрении писем и приеме граждан.

В работе с письменными и устными обращениями граждан широко практиковать коллегиальное их рассмотрение, а итоги разбирательства по жалобам доводить до сведения коллективов.

Рекомендовать состояние работы с письмами и практику приема граждан систематически рассматривать на коллегиях, советах, служебных совещаниях, а также в партийных, комсомольских и профсоюзных организациях.

3. Улучшить анализ поступающей от граждан информации в целях последующей выработки соответствующих рекомендаций по совершенствованию оперативно-служебной деятельности органов и подразделений КГБ. Обеспечить безусловное выполнение приказа № 44дсп 1988 года об отражении данных о состоянии работы с письмами и практике приема граждан в годовых отчетах органов КГБ.

4. Периодически освещать в «Сборнике КГБ СССР» и других печатных изданиях опыт подразделений центрального аппарата и органов КГБ на местах по совершенствованию организации работы с письмами трудящихся, публиковать как благодарственные обращения граждан, так и критические замечания трудящихся, касающиеся оперативно-служебной деятельности чекистских коллективов.

5. Во всех органах выделить и надлежащим образом оборудовать (в соответствии с приказом Председателя КГБ СССР от 27 ноября 1984 года № 0753) помещения для приема граждан.

Инспекторское управление
КГБ СССР

Секретариат КГБ СССР

ПООЩРЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КГБ СССР

За активное участие в распространении положительного чекистского опыта на страницах «Сборника КГБ СССР» и в связи с Днем печати Председатель Комитета государственной безопасности СССР генерал армии В. А. Крючков специальным приказом поощрил группу сотрудников.

Грамот КГБ СССР удостоились генерал-майоры Г. М. Казимир и И. И. Устинов, полковники В. П. Колесников и В. П. Скоморохов, капитан 1 ранга Г. Н. Шмонов, подполковник Н. С. Офицеров.

Ценными подарками награждены подполковник В. С. Чоговадзе, майор Н. М. Трусов, капитан 3 ранга А. А. Зданович, старший лейтенант А. А. Жуков.

Благодарность Председателя КГБ СССР объявлена полковникам В. И. Алферову, И. И. Легану, Р. Л. Луговцу, полковникам юстиции В. Г. Колпакову, Д. С. Юзепчуку, подполковникам В. Н. Манагарову, Ю. Е. Раменскому, М. А. Саране.

Редакционная коллегия и редакция «Сборника КГБ СССР» поздравляют своих авторов и организаторов статей с высокой наградой.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПОИСК, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Дискуссионная трибуна

ЭКЗАМЕН НА ЧЕКИСТСКУЮ ЗРЕЛОСТЬ

Участники «круглого стола» в Минске обсуждают проблемы совершенствования агентурной работы

15 апреля в КГБ Белоруссии состоялся «круглый стол» по обсуждению обзора «Основное средство решения чекистских задач», опубликованного в «Сборнике КГБ СССР» № 130.

В нем приняли участие сотрудники Комитета республики, УКГБ БССР по Минской области и Высших курсов КГБ СССР. В форме живого обмена мнениями состоялся заинтересованный разговор о месте и роли агентуры в деятельности чекистов на одном из сложных, революционных этапов развития нашего общества.

«Круглый стол» вел первый заместитель председателя КГБ БССР генерал-майор Э. И. Ширковский. В обсуждении этой актуальной проблемы участвовали: оперуполномоченный Ленинского райотдела УКГБ по Минской области старший лейтенант М. В. Туров, начальник Ленинского райотдела УКГБ по Минской области майор С. Ф. Русак, старший инспектор Инспекции КГБ БССР подполковник В. М. Антонов, преподаватель Высших курсов КГБ СССР майор В. А. Бутыгин, оперуполномоченный пятого отдела УКГБ по Минской области старший лейтенант А. В. Орловский, начальник отделения пятого отдела УКГБ по Минской области майор А. Д. Метелица, заместитель председателя КГБ БССР подполковник Г. М. Лавицкий, старший оперуполномоченный Четвертого управления КГБ БССР майор В. Ф. Москалев, заместитель начальника Третьего управления КГБ БССР подполковник И. И. Бузовский, старший оперуполномоченный Третьего управления КГБ БССР майор В. М. Минченок, оперуполномоченный Шестого управления КГБ БССР капитан И. А. Бахматов, старший оперуполномоченный Четвертого управления КГБ БССР майор Ю. Н. Астахов, начальник отделения первого отдела КГБ БССР майор П. Д. Шейко, заместитель начальника первого отдела КГБ БССР подполковник Н. А. Семилетников, начальник отделения Второго управления КГБ БССР подполковник В. А. Громуко, старший оперуполномоченный Второго управления КГБ БССР майор В. Н. Злобин, старший оперуполномоченный Четвертого управления КГБ БССР майор Ю. В. Захаренков, старший оперуполномоченный Пятого управления КГБ БССР капитан И. Л. Семашко, старший оперуполномоченный Пятого управления КГБ БССР майор А. Н. Литовка, заместитель начальника Пятого управления КГБ БССР полковник А. А. Данилик, начальник отделения Пятого управления КГБ БССР подполковник Е. Н. Лепешко, старший оперуполномоченный Пятого управления КГБ БССР майор А. Г. Воронков, старший оперуполномоченный Пятого управления КГБ БССР майор А. М. Шнип и другие.

* * *

Э. И. ШИРКОВСКИЙ: В «Сборнике КГБ СССР» № 130 опубликован обзор предложений по актуальным проблемам работы с агентами в современных условиях. Открыта своевременная и актуальная дискуссия по самым главным вопросам чекистской деятельности. В опубликованном обзоре наши предложения частично нашли отражение. Сегодня же мы собрались посоветоваться, какие у нас есть скрытые, еще нереализованные резервы для улучшения качества агентурной работы.

Безусловно, главный наш резерв — повышение мастерства агентуриста. Тут нет предела для совершенствования. Перестройка, демократизация, гласность решительно во все вносят свои коррективы, дают новые импульсы. Старые нормативные акты, я имею в виду приказы Председателя КГБ СССР № 00140 и № 00145 1983 года, нисколько не сдерживали, не сковывали нашу потребность творчески, инициативно относиться к работе с агентурой. Но и они в современных условиях тоже требуют свежего взгляда, новых идей, предложений. Пришло время критичнее взглянуть на наработанный опыт, творчески его внедрять с учетом конкретной обстановки.

Осуществляемая в обществе перестройка, курс партии на расширение демократизации и гласности, проведение политической, экономической реформ и создание правового государства вызвали к жизни не только положительные, позитивные явления. Так, возник ряд самодеятельных объединений, действия которых под влиянием отдельных экстремистски настроенных лидеров приняли негативную политическую направленность сепаратистского, националистического толка, приобретают оппозиционный партийным и советским органам характер. Предпринимаются попытки дискредитации деятельности органов КГБ.

Причины наблюдаемого снижения активности агентов (нежелание сотрудничать, выжидательная позиция части из них) видятся прежде всего в неумении некоторых оперативных работников да и, чего греха таить, отдельных руководителей правильно, с партийных, политических, чисто профессиональных позиций четко определить сферу использования агентуры и особенности работы с ней в современных условиях.

Агентуристами не рождаются, а становятся прежде всего в результате концентрации собственных усилий, опыта, знаний, трудолюбия, постоянного горения. Но хочу предостеречь: самые неординарные способности от бездействия, лености мысли, инерции, утраты вкуса к энергичным, наступательным и непрерывным действиям могут «увянуть», «заржаветь», превратиться в «мертвый груз».

Если агентурист — мастер своего дела, то он, по-моему, одновременно является дирижером и «первой скрипкой» контрразведывательного процесса, его «двигателем», агентура же — наполненные ветром паруса, без которых нет движения вперед. Попутный ветер — изменчивая оперативная обстановка. Агентурист задает тон, настрой, прокладывает курс в предельно насыщенных,

остроконфликтных буднях, находясь в непримиримом противоборстве с теми, кто скрытно, со злым умыслом тормозит революционное преобразование общества.

Надо искоренять «оперативный дальтонизм», когда все видится лишь через розовые или черные очки. Мне поперек души — любые крайности, любые перекосы и перегибы. Всегда поднимаю обе руки за взвешенность, дальновидность, зоркость.

Безусловно, составная часть чекистского искусства — постоянно совершенствующееся умение анализировать любую конкретную ситуацию, любые группы фактов, стремление сразу с нескольких сторон их проверять и перепроверять, очищать от различных наслойений, искажений и неточностей, вносить в них исчерпывающую ясность.

И особо выделю самоанализ, который не позволяет бесповоротно «зациклиться» на неверной версии, упорствовать в ошибочном, тупиковом предположении. Необходимо решительно подавлять в себе нотки догматизма, тяготение к привычным стереотипам, шаблонам. Нелицеприятный анализ своей деятельности многое и своевременно расставит по своим местам.

Сердцевина нашей чекистской деятельности — агент, ибо он постоянно находится в контакте с временно оступившимся, заблуждающимся или с уже враждебно настроенным человеком, осознанно, безоговорочно вступившим на преступную стезю. Это остроглазый, наблюдательный помощник, способный распознавать нюансы, полутона мотивов, различие взглядов, способный дать отпор различным лобовым, неожиданным провокациям, подзуживанию, изощреннейшим проверкам, ловушкам.

Сегодняшний наш стиль — конкретность. Ориентир — только на взвешенные агентурные задания. Ничего не знаю пагубнее размытости, обтекаемости поручений. Тут уж так: что посеешь, то и пожнешь! Ничто так не расхолаживает агента, как негодное, расплывчато-туманное поручение: «Присмотритесь там, запримите что-то интересное — отпишите». Словом, трясите дерево — что-то упадет! Какая же это казенная, топорная работа. Надежда «на авось», на удачу похожа на беспорядочную стрельбу, вслепую, да еще холостыми. Рикошетом цели не поразишь!

Не грех поговорить сегодня и о недостатках в агентурной работе. Ошибочный опыт — тоже опыт, ибо он предостерегает от неверных, опрометчивых шагов. На него тоже надлежит оглядываться, извлекать уроки.

М. В. ТУРОВ: Какие действенные шаги следует предпринять, чтобы агент не разочаровался, не утратил вкус к негласной деятельности, «не свернул» свою работу? Как не потерять агента? Вижу один путь — постоянно стимулировать, побуждать его к реализации своей гражданской позиции, патриотического долга, поддерживать в нем дух подвижника перемен, убеждать, что «вкалывает» он, как говорится, не на чужого «дядю», а в меру своих сил и способностей помогает утвердиться перестройке.

Мой агент «Божков» буквально на глазах преобразился, когда помог обосновать отказ от закупки ненужной технологии, навязы-

ваемой нам одной из западногерманских фирм. В итоге сэкономлено 300 тысяч западногерманских марок. Агента после этого словно подменили. Активен, напорист, охотно сотрудничает.

С. Ф. РУСАК: Да, необходимо помочь агенту предметно ощутить полезность, результативность негласного сотрудничества, развивать в нем чисто хозяйственный, государственный подход к оценке окружающих проблем. Ведь ему дороги наши социалистические ценности. Наш помощник осмысленно осознает, что контакт с органами КГБ дает дополнительные возможности для проявления его гражданской и нравственной позиции. Верю в это и потому опираюсь в работе на мобилизующий человеческий фактор. Стараюсь показать агенту конечный результат его деятельности. И это оправдывает себя. Буквально рвется в дело агент «Игорь»: ведь по его информации сэкономлено 700 тысяч инвалютных рублей.

Конкретность заданий, конкретность отдачи агента — «два кита», на которых держится стиль нашей деятельности.

Э. И. ШИРКОВСКИЙ: Хочу поддержать мысль, высказанную товарищами М. В. Туровым и С. Ф. Русаком. Архиважно, чтобы агент не чувствовал себя бесстрастным фиксатором событий, этаким праздным наблюдателем. Он должен зримо ощущать плоды своих усилий, потраченного времени и сил, израсходованных нервов. Нашему помощнику крайне необходимо сознавать, что он выполняет свой патриотический, гражданский долг, активно защищает перестройку. И далее — надо всячески способствовать тому, чтобы агент глубоко осознал свои еще нереализованные потенциальные возможности как нашего помощника, стремился до конца выкладываться, проявлял больше инициативы, изобретательности, заинтересованности. Тогда и его отдача будет весомее, заметнее. Агента, как и чекиста, прежде всего должно волновать, оправдывает ли он высокое предназначение быть в авангарде перестройки.

В. М. АНТОНОВ: На мой взгляд, сегодня одной из главных задач в перестройке агентурного процесса является соединение усилий нетрадиционного «треугольника»: оперативный работник — специалист-психолог — следователь. Убежденность в таком выведе основывается на многолетнем опыте агентурной работы на различных участках чекистской деятельности. Получаемые на Высших курсах КГБ СССР знания в области оперативной психологии и права являются до обидного минимальными и требуют постоянного накопления и неустанного совершенствования их в процессе практической работы агентуриста.

Из собственной практики знаю, как порой из-за просчетов в психологическом обеспечении агентурного процесса создавалась обстановка неуверенности и нервозности при подготовке и проведении острых мероприятий по делам оперативного учета. Были сложности, особенно на первых порах, и в правовой оценке получаемой информации с признаками противоправной деятельности объектов.

Поиск выхода из этих трудностей, проблем и привел к мысли о необходимости более тесных контактов оперработника с психологом и следователем. Прежде всего был найден единомышленник в лице преподавателя Высших курсов КГБ СССР кандидата медицинских наук майора В. А. Бутыгина. Кроме того, был наложен ежедневный деловой, тесный контакт с опытными следователями. Это, без всяких сомнений, способствовало росту моего профессионального мастерства, наращиванию как теоретических знаний, так и практического опыта.

В. А. БУТЫГИН: Уверен, что в управлении КГБ (начиная с областного уровня) целесообразно формировать небольшие, из двух-трех человек, группы психологов-консультантов. По указанию руководителя органа и в соответствии с запросом оперативных подразделений они могли бы подключаться к работе по делам оперативного учета, к работе с агентами, могли бы организовать психологическое консультирование оперативных работников по проблемам профессиональной адаптации. Без работы они бы не остались. Хотя и в шутку, но один из руководителей однажды точно подметил: «Если бы у нас была должность психолога, то он бы не знал, в какую сторону бежать от заказов».

Многообразие и многоплановость задач, встающих перед психологом-консультантом, четко видны на примере хотя бы только одного направления его работы — психологического обеспечения активных контрразведывательных мероприятий. Здесь тесно переплетаются и задачи тщательного изучения психологических особенностей агента, их точного учета при отработке ему линии поведения, и задачи его психологической подготовки, предполагающие также необходимость всесторонней проверки.

Организация психологической подготовки, в свою очередь, предусматривает использование методов ролевого тренинга, психологической регуляции в той или иной модификации, анализа личностных проблем и целого ряда других приемов, которыми оперативные работники в требуемом объеме, как правило, не владеют.

Оперативный психолог — это специальность, это вид деятельности, имеющий свои задачи, свои проблемы, требующий использования комплекса специальных знаний, навыков и умений.

В. М. АНТОНОВ: В процессе изучения положения дел в подразделениях Комитета республики и его органах на местах приходится общаться с широким кругом сотрудников-агентурристов. Личный опыт и результаты этих общений утвердили меня в мысли, что в современный период без прочного союза науки и практики невозможно эффективное разрешение назревших в агентурном процессе проблем, и прежде всего его научно обоснованное психологическое и правовое обеспечение. Для этого, видимо, целесообразно создание на базе Высших курсов КГБ СССР в Минске такого учебного научно-практического комплекса, где к тому же можно было бы организовать стажировку агентурристов без отрыва от производства. И на первом этапе, до ввода должностей специалистов-психологов, они могли бы выполнять роль консуль-

тантов в органах и подразделениях Комитета республики. От этого, безусловно, была бы обоядная польза и практикам, и специалистам-психологам.

В. А. БУТЫГИН: Пока опыт тесной работы оперработника и специалиста-психолога в этом направлении накапливается в отдельных «точках». Например, в практической группе «Психология-4», сформированной по инициативе Четвертого управления КГБ БССР для решения подобных проблем, или на Высших курсах КГБ (г. Минск), оперативные психологи которых «традиционно» тесно связаны совместной работой с подразделениями КГБ БССР и Особого отдела КГБ СССР по Белорусскому военному округу. Но, повторяю, все это лишь отдельные «точки». Без развертывания подготовки психологов-консультантов, без введения таких должностей в штаты оперативных подразделений и их последующего объединения в единую психологическую службу КГБ СССР потребности оперативных подразделений (а они по мере взаимодействия с психологами растут, как правило, очень быстро) едва ли могут быть удовлетворены.

Где и как готовить таких специалистов, как стать психологом-консультантом оперативных подразделений? Мнений по этому вопросу много. Считаю, что подобных специалистов вполне можно готовить из оперативных работников путем годичной специализации на базе того учебного заведения, где эта работа уже ведется. За год можно овладеть необходимыми знаниями и приобрести навыки, достаточные для решения основного круга задач, которые практика ставит перед психологами.

В. Ф. МОСКАЛЕВ: Как наладить устойчивую работу с агентами? С особой актуальностью встает этот вопрос сегодня, когда в стране создалась новая, непривычная обстановка. Ответ на него предстоит дать в первую очередь нам — оперработникам-практикам. Но и чекистская наука, и соответствующие нормативные акты должны активно помогать в решении этой проблемы.

На мой взгляд, во взаимоотношениях оперработника с агентом предстоит значительно активизировать человеческий фактор. Чего греха таить, бывают у нас еще случаи формального, неискреннего отношения к негласному помощнику, которое, конечно же, не остается незамеченным им. Поэтому и общение с агентом иногда не достигает того уровня доверительности, без которого агентурная работа не даст желаемого результата. И наоборот. Стоило, например, заговорить с агентом «Беркутовым», занимающимся литературной деятельностью, не о контроле за обстановкой, а о достоинствах написанной им конкретной статьи, и ледок некоторой скованности, недоверия начал таять, агент доверительно рассказал о лицах, интересующих органы КГБ.

Согласен с товарищами Антоновым и Бутыгиным, что основательным подспорьем в работе с агентом является учет психологического фактора. Более глубокое постижение психологии конкретного источника позволяет предметнее обучать и использовать его с учетом индивидуальных особенностей. Так, полученная в результате оперативного тестирования информация в отношении агента

«Линова», подготавливаемого для участия в серьезном мероприятии, указывала на необходимость дополнительной, более глубокой его проверки. Собранные на агента данные показали, что ему присущ ряд негативных качеств, исключающих привлечение его к решению намеченной задачи. Тестирование агентов «Морозова», «Гавриила», «Васильева» и некоторых других дало возможность внести соответствующие корректизы в планы их индивидуальной подготовки.

Следует отметить, что вопросы индивидуально-психологической подготовки агентов не всегда привлекают внимание оперработников еще и из-за того, что в чекистских библиотеках органов КГБ республики мало соответствующей литературы.

А. В. ОРЛОВСКИЙ: Нередко «пену» на волне перестройки создает деятельность ряда самодеятельных общественных объединений, а порой и их узконациональная направленность. Часть объединений уже приобрела политически вредную окраску. Под прикрытием словоизвержений о перестройке их отдельные лидеры пытаются внести дезорганизацию в деятельность партийных и советских органов, идут на открытую конфронтацию с органами власти, проводят массовые несанкционированные акции митингового характера, распространяют нелегально изданные брошюры, листовки, прокламации.

Сегодня конкретный ориентир — упреждать массовые негативные проявления, не допустить кризисной ситуации, той, которая сложилась в Закавказских республиках. Упреждать — значит заранее знать о планируемых экстремистами акциях. А это возможно лишь с помощью надежных негласных источников. Приобрести их из лидеров, большая часть которых является объектами дел оперативного учета, часто не представляется возможным. В таких случаях классическая чекистская наука предлагает ввод агента в негативную среду. Так поступили и мы в ходе разработки одного из самодеятельных объединений, деятельность которого подпадает под компетенцию органов КГБ. Свой выбор мы остановили на агенте «Жане». При этом немаловажную роль сыграли личные качества агента: сообразительность, чувство юмора и, что особенно важно, умение естественно вести себя в психологически сложной обстановке. Контроль за объектами, в том числе с помощью оперативной техники, свидетельствовал, что «Жана» в течение месяца пытались изощренно проверять вплоть до прямых вопросов о связи с органами КГБ. В острой ситуации агенту удалось избежать провала лишь благодаря редкостному самообладанию и мгновенной сообразительности, высоким волевым качествам и чувству юмора.

Особую сложность для чекистов представляла отработка источнику линии поведения. Необходимо было показать и доказать присутствующим личную заинтересованность «Жана» в деятельности «неформалов». С ним был проведен ряд контрольных встреч руководством Управления и отдела, и на каждой из них этому вопросу уделялось самое серьезное внимание.

Через полтора месяца после ввода агент «Жан» стал пользоваться особым доверием разрабатываемых, получил доступ к самой «сокровенной» информации. Явки с ним часто приходится проводить в ночное время.

А. Д. МЕТЕЛИЦА: На страницах «Сборника КГБ СССР» в последнее время появляются статьи из различных регионов страны об оперативной обстановке в самодеятельных объединениях. Эти публикации вызывают живой интерес у чекистов. И это естественно. Опыт использования агентов в среде «неформалов» политически вредной направленности сейчас на вес золота. Крупицы такого опыта есть и у нас. Например, через агентуру, внедренную в одну из групп «неформалов», оперработникам удалось так повлиять на их лидеров, что те сами взялись профилактировать своего единомышленника Александрова, который проявлял себя наиболее экстремистски. При этом агентами был искусно использован тезис о том, что действия Александрова нанесут вред «движению» и скомпрометируют их группу перед населением.

Г. М. ЛАВИЦКИЙ: Необходимо учить агентов действовать в сложных и экстремальных условиях. Помимо этого надо психологически готовить их к различным изощреннейшим проверкам, «ловушкам», психологическим «засадам». Не уверен, что многие наши опытнейшие агенты способны достойно выйти из них, как это сделал агент «Жан», о котором рассказал А. В. Орловский.

«Сборник КГБ СССР», на мой взгляд, должен не жалеть места для информирования читателей по этой проблеме. Кстати, неплохо было бы рассказать, как действовали оперработники и агенты во время чрезвычайной ситуации с 9 по 18 апреля в Тбилиси.

Поддерживаю мысль Э. И. Ширковского, что необходимо критически переосмысливать свой опыт, вносить в него существенные корректизы, обогащать его.

Сегодня продолжается активная переориентация агентуры на получение информации упреждающего характера, достижение конечного результата. В корне изменен подход к оценке работы с агентурой. Отныне за основу берутся не количественные, а качественные показатели: получение и проверка сигналов, заведение дел оперативного учета, участие в активных чекистских мероприятиях.

Определенные положительные сдвиги в агентурном процессе явились также результатом утверждения принципа линейности в организации контрразведывательной работы, совершенствования тактических приемов по выявлению устремлений противника, вскрытия его агентурной деятельности и создания условий для работы на упреждение, выработки у агентов умения действовать самостоятельно в экстремальной обстановке, влиять в нужном направлении на события, негативные процессы и враждебно настроенных лиц.

И. И. БУЗОВСКИЙ: Динамичность и изменчивость событий, оперативной обстановки потребовали от нас существенно пересмотреть свое отношение к работе с агентурным аппаратом. Не скрою: если раньше мы грешили тем, что вели разговор об аген-

туре в общем плане, то сегодня во главу угла ставим работу с агентуристами, с конкретным агентом. Это дало возможность более предметно организовывать мероприятия на порученных участках, контролировать развитие обстановки на объектах, прогнозировать процессы в коллективах.

Характерна в этом плане работа с агентом «Сергеем». Придерживаясь отработанной ему линии поведения, агент привлек внимание лидеров одного из неформальных объединений негативной направленности. Удачный ввод «Сергея» позволил закрепить контакт с лидером формирования, войти к нему в доверие, своевременно получать данные о планах «неформалов», что в последующем было использовано для компрометации и разложения группы.

В. М. МИНЧЕНOK: Я хотел бы несколько дополнить и детализировать выступление моего старшего коллеги — подполковника И. И. Бузовского. Именно конкретная, целенаправленная работа с «Сергеем» позволила закрепить сложившиеся отношения с «неформалами».

Агентом добыты проекты разрабатываемых ими документов, получены первичные данные о подготовке к изданию информационного бюллетеня, о местах его размножения и курьерах, доставляющих его в республику. При помощи «Сергея» установлены факты попыток консолидации местных «неформалов» с экстремистски настроенными лидерами из других республик.

И. И. БУЗОВСКИЙ: На примере использования агента «Сергея» четко просматривается также и то, что в нынешних условиях агентура продолжает оставаться нашим главным оружием. При ее подготовке и организации работы не должно быть шаблона. Только строгий учет индивидуальных особенностей, личных качеств и возможностей агента, его «психологического портрета», а также целенаправленное обучение и воспитание могут привести к желаемым конкретным результатам.

И. А. БАХМАТОВ: Анализ материалов работы с агентом «Раевским» позволил вскрыть вероятные причины снижения его активности, включающие те обстоятельства, что поручаемые агенту задания, с одной стороны, явно не соответствовали его высокому интеллектуальному и профессиональному уровню, с другой стороны, определенный отпечаток на взаимоотношения агента с органами КГБ накладывал тот факт, что его отец в 30-е годы был необоснованно осужден и умер в заключении.

Учитывая последнее обстоятельство, с агентом провели несколько встреч, чтобы убедительно объяснить, что нынешние органы госбезопасности не имеют ничего общего с репрессивной практикой НКВД и сами активно участвуют в восстановлении справедливости в отношении необоснованно пострадавших советских граждан.

Были принятые меры для привлечения агента к выполнению задания, которое заинтересовало бы его как крупного специалиста. «Раевский» был включен в состав советских специалистов для переговоров с иностранцами по приоритетной научной проб-

леме. В числе зарубежных партнеров, по данным центра, находился причастный к деятельности спецслужб главного противника объект «Фред».

Тщательная отработка задания, точное следование установленной линии поведения позволили агенту войти в контакт с «Фредом», а затем убедиться в том, что последний действительно связан с разведорганами своей страны. Сейчас этот контакт успешно развивается под нашим контролем.

Все это способствовало активности агента, изменению его отношения к сотрудничеству с органами КГБ.

Ю. Н. АСТАХОВ: Горячо поддерживаю мысль товарища Бахматова о необходимости отработки агентам таких заданий, которые бы полностью отвечали компетенции органов КГБ. В нашей практике есть еще немало случаев, когда агентура далека от противника, используется по второстепенным вопросам.

П. Д. ШЕЙКО: Целесообразно выделить оперативных работников-агентуристов в особую категорию, стимулируя их труд. В этой связи привлекать к агентурной работе лиц, обладающих профессиональными качествами, высоким политическим и культурным уровнем развития. Сосредоточить внимание работников-агентуристов на непосредственной работе с агентами, максимально освободив их от технической работы.

Ю. Н. АСТАХОВ: Для поднятия роли агентуристов, думаю, было бы целесообразно рассмотреть вопрос о надбавке к их должностному окладу, а также о присвоении очередного воинского звания на ступень выше занимаемой должности по истечении установленного срока службы.

Н. А. СЕМИЛЕТНИКОВ: При всей активности наших помощников, безусловно, организующая и направляющая роль принадлежит оперработнику, знающему замысел и оперативную задачу, располагающему более широкой информацией по данной проблеме. Но без взаимного доверия, симпатий и кропотливой (подчас и не приносящей сиюминутной отдачи) работы добиться результата было бы невозможно.

Недавно за границу на ответственный пост в одну из международных организаций выехал наш агент «Васин». На последней перед отъездом встрече он прямо заявил оперработнику, что без человеческого участия чекистов в его судьбе, без воспитанной ими привычки ставить цели и тщательно продумывать пути их достижения он так и остался бы в числе многих специалистов, не сумевших реализовать свои замыслы.

В. А. ГРОМЫКО: Допускается еще ориентирование ряда агентов на выполнение явно не свойственных им задач. Практика показывает, что мало проку от агентов-информаторов. Надо стремиться к повседневному, целенаправленному поиску лиц, которые могут выявлять, предупреждать и пресекать подрывную деятельность противника главным образом на основе проникновения в его среду. В этой связи следует четче разграничить в нормативных документах функции агентов и доверенных лиц, не смешивать эти понятия в практической деятельности.

Для объективного вывода о наличии или отсутствии у кандидата на вербовку или уже завербованных агентов необходимых личных качеств представляется целесообразным разработать методическое пособие по психофизиологическому изучению личности с указанием конкретного перечня свойств, требующих выяснения. Возможно, имеет смысл создавать унифицированную карту личностных характеристик наших негласных помощников. К примеру, в ходе таких исследований, проведенных Вторым управлением КГБ БССР совместно с Высшими курсами КГБ СССР, оказалось, что около сорока процентов агентов, выделенных областными управлениями КГБ республики для подвода к дипломатам с нейтральными позиций, не готовы к выполнению заданий такого рода из-за отсутствия у них соответствующих личных качеств.

В. Н. ЗЛОБИН: В работе с агентурой из негативной среды оперработник должен постоянно отдавать себе отчет в том, что и он сам является объектом изучения агента. В силу этого необходим постоянный контроль как за своими словами и действиями, так и за внешним видом, мимикой, манерой поведения и т. д.

Ю. В. ЗАХАРЕНКОВ: За последние три — пять лет качественный состав агентуры значительно изменился, и в настоящее время во взаимоотношениях, работе с ней появились новые проблемы. Первый круг проблем возникает в силу того, что оперработники не располагают теми техническими возможностями, минимум которых необходим в повседневной работе. Отбор письменных сообщений у многих агентов вызывает аллергическую реакцию на бюрократизм, требует от оперработника умения убеждать в необходимости этого, а также выслушивать советы агентов о целесообразности использования диктофонов.

Сегодня удивление агентов также вызывает отсутствие у работников КГБ средств передвижения, постоянное использование ими возможностей взаимодействующих ведомств. На практике агенты также чувствуют, что во многих случаях органы КГБ не в силах или не желают оказать определенное влияние на развитие событий в нужном направлении, принять практическое участие в судьбе самого агента.

Второй круг проблем связан с необходимостью более активно заниматься воспитанием агентуры.

У некоторых наших помощников стали проявляться нигилистические настроения, социальная неуверенность, безысходность. Не соприкасающиеся с противником агенты выражают даже сомнения в своей полезности органам КГБ, теряют чувство политической бдительности. Отсутствие четких исследований в области социальных наук не позволяет в полной мере располагать объективной информацией, необходимой для воспитательного процесса. При этом приходится также преодолевать другую крайность у отдельных агентов — проявление консерватизма в отношении многих положительных изменений, происходящих в процессе перестройки. Они видят опасность в социальной активности людей, оценивают это как вольнодумство, антигосударственную деятельность.

И. Л. СЕМАШКО: Бытующие иногда суждения о нецелесообразности использования института негласных помощников с учетом развития процессов демократизации и гласности порождаются, на мой взгляд, двумя основными причинами: отсутствием законодательного акта, четко и гласно определяющего пределы компетенции органов КГБ, в том числе право на создание агентурного аппарата на основе конституционного положения, обязывающего граждан СССР оказывать содействие в обеспечении безопасности государства, а также укоренившимся в последние годы среди определенной части населения мнением о безнравственности так называемого «тайного доносительства».

Определяющим моментом в работе с агентами, особенно на начальном этапе сотрудничества, считаю формирование у них правильного представления о деятельности органов госбезопасности. Далее важно в процесс обучения и воспитания включить то, что обычно называют «человеческим фактором»: довести до сознания источника, что он является не каким-то подручным, вспомогательным, промежуточным «средством», а соратником оперработника, его единомышленником в защите интересов перестройки и общества.

Представляется целесообразным для повышения эффективности работы с агентурой шире применять прием оперативной информации путем записи ее на магнитофон. Ведь нередко при письменном изложении материалов теряются важные детали, рассказанные агентом устно.

А. Н. ЛИТОВКА: По-видимому, назрел вопрос о повышении уровня материального стимулирования агентов. Возможно, учитывая характер, степень сложности и опасности выполняемого задания, материальное поощрение отдельных категорий источников следует перевести на регулярную основу.

Качественные характеристики труда оперработника, на мой взгляд, во многом зависят от его интеллектуального и профессионального уровня. Решение задачи дальнейшего повышения профессионального мастерства сотрудников-агентурристов видится в закреплении их на порученных участках и линиях работы, углублении специализации по конкретным направлениям контрразведывательной деятельности и совершенствовании внешкольной чекистской подготовки.

А. А. ДАНИЛИК: Нельзя также недооценивать воздействие прессы на молодых сотрудников органов КГБ и на представителей разных слоев общества, на которых мы опираемся в своей работе. У отдельных чекистов появляется неуверенность в целесообразности организации агентурной работы или растерянность при выборе форм и методов ее осуществления. Практически это выражается в робком подходе к подбору кандидатов на вербовку, установлению оперативных контактов, разработке заданий агентам и линии их поведения. Некоторых агентов пугает перспектива открытия доступа к архивам органов КГБ, о чем сейчас много пишут в газетах и журналах. Последнее тревожит даже далеко не робких наших негласных помощников.

Данное обстоятельство сказывается на эффективности работы агентуры. Здесь многое зависит от того, поймет ли агент, что борьба с экстремизмом и антисоветизмом в любой среде, в том числе в среде «неформалов», является нашей общей задачей. В условиях Белоруссии наиболее активны самодеятельные группы, созданные на национальной основе. Поэтому так важно убедить агентов, что органы КГБ всей своей деятельностью содействуют развитию национального языка, истории, культуры. В то же время агент должен понимать опасность националистических вывихов, знать, где проходит граница между национальной гордостью и националистической спесью, к чему может привести разжигание межнациональной розни, расшатывание единства входящих в Союз республик.

На мой взгляд, надо более гибко подходить к обоснованию задания агенту. Оправдывает себя практика обращения к нему с просьбой выступить в качестве нашего консультанта, человека, способного проанализировать обстановку в той или иной среде, тенденции ее развития, изложить свое мнение. А нам это нужно для оценки события и определения отношения к нему. Если речь идет о самодеятельном объединении, то не подходить с одной меркой ко всем участникам, а выделять конкретных лиц, склонных к экстремизму, изучать их, в том числе при помощи агента.

В работе с агентурой из еврейской среды следует делать акцент на изменении политики в вопросе выезда за границу, разрешении создавать самодеятельные центры еврейской культуры. В работе с агентурой из среды церковников и сектантов необходимо отмечать новый подход государства к религии и религиозной деятельности.

Хочется подчеркнуть, что перестройка работы с агентурой в современных условиях несовместима с упрощенчеством, облегченным подходом.

Е. Н. ЛЕПЕШКО: Нельзя идти на поводу у агента, но надо вести свою линию деликатно и настойчиво. Решать через агентуру только те вопросы, которые относятся к компетенции органов КГБ.

Трудности возникают с реализацией материалов, когда агент как честный человек, патриот и гражданин, болеющий за судьбу страны и ее будущее, поднимает вопросы о вопиющей бесхозяйственности, преступной халатности, разбазаривании средств, некомпетентности руководства и т. п.

Гласность сняла многие проблемы, высветила и продолжает вскрывать недостатки. Одновременно с этим агентура видит, что те лица, которые обоснованно привлекались или должны были привлекаться к ответственности за антисоветскую деятельность, сегодня порой бездумно, незаслуженно преподносятся средствами массовой информации как высокие авторитеты.

А. Г. ВОРОНКОВ: Одной из причин издержек в работе с агентурой, на мой взгляд, остается вопрос неподготовленности, порой неумения и боязни многих наших источников участвовать в дискуссиях, разъяснять и отстаивать свою точку зрения, влиять в позитивном плане как на отдельных политически незрелых лиц, так и на формирование оперативной обстановки.

Необходимы большая целенаправленность в работе по дальнейшему углублению специализации агентуры, широкое внедрение в агентурно-оперативную практику последних достижений и разработок оперативной психологии, социологии, в частности социологического тестирования агентов, в целях более глубокого изучения и анализа оперработниками социально-политических и психологических характеристик негласных помощников, их реальных оперативных возможностей, сильных и слабых сторон.

В разрабатываемом Законе о государственной безопасности, конкретизируя конституционную обязанность граждан обеспечивать государственную безопасность, было бы правильным раскрыть необходимость, цели и задачи использования органами КГБ института негласных помощников, законодательно закрепить правовую защищенность указанных граждан.

А. М. ШНИП: Большое внимание, терпение и такт, вдумчивый и дифференцированный подход были проявлены по отношению к тем агентам, отдача от которых в новых условиях заметно снизилась. Это позволило вначале «удержать», а затем и стабилизировать работоспособность таких агентов из среды творческих работников, как «Тополь», «Оля» и «Мироевский». Дело трудное, но явно посильное, архинужное! В работе с ними применяются в комплексе меры оперативного и воспитательного характера при строгом индивидуальном подходе. Особо следует подчеркнуть значение личных контактов, складывающихся у агентуриста с негласными помощниками.

Э. И. ШИРКОВСКИЙ: Заключая наш разговор, хотелось бы отметить: кто сегодня стоит на месте, неизвестно что выжидал, или, как назло, увяз в бумажной круговерти, тот безнадежно отстал. А догонять — неблагодарная и порой многотрудная и многомерная работа. Правильно делают те сотрудники, которые действуют, не откладывая проблему в долгий ящик, с видным опережением. Нельзя упускать перспективнейшую возможность добиваться конкретных результатов от прямых контактов нетрадиционного «треугольника»: оперработник — следователь — специалист-психолог. Как вы знаете, руководство КГБ БССР стопроцентно голосует за быстрейшее внедрение этих плодотворных контактов.

Был и остаюсь категоричен в одном: тот перестал быть агентуристом, кто, уповая на старый опыт, совершенно не заботится о новом, не совершенствует, не шлифует и не оттачивает его, надеется стричь «купоны» с ранее завоеванного авторитета. Легче завоевать авторитет, чем его надолго удержать, это как «шагреневая кожа». Без новых поисков нетрафаретных, нетрадиционных приемов, методов опыт на наших глазах заметно сужается, становится малополезным. Арсенал чекистских средств необходимо систематично и упорно пополнять, обогащать. Нужно заострять свое мышление. Психологически изменяться, мыслить по-новому.

Горячо поддерживаю мысль А. А. Данилика, что перестройка работы с агентурой в современных условиях несовместима с упрощенчеством, облегченным подходом. Любая поверхностная, не-

глубокая, непредметная работа позорна, не делает чести сотруднику КГБ. В нашем разговоре я несколько раз подчеркивал и буду неустанно повторять, что руководство КГБ БССР стремится всячески, морально и материально, поднимать престиж и авторитет агентуриста, создавать все условия для его плодотворной работы. Без раскачки пересмотрим устоявшуюся систему поощрений в сторону ориентации ее на сотрудников, которые умело, результативно работают с нашими помощниками.

До сих пор отдельные оперработники тяготеют к старым схемам и стереотипам, к отжившим критериям оценки своей работы по количественным показателям. В негласном аппарате остаются агенты с утраченными контрразведывательными возможностями. В то же время в ряде органов на местах не принимается мер для их замены. Не приобрела необходимой глубины специализация агентуры. Не смогли мы избежать использования ряда источников, я бы сказал, в режиме голой фиксации фактов. Слабой пока остается результативность агентов, проживающих в сельской местности.

Не в полной мере решена проблема использования агентов, которые в силу объективных причин переходят на работу на оперативно необслуживаемые объекты, в том числе в кооперативы. Допускаются издержки в работе с вновь завербованными агентами, не всегда удается избежать формализма и оторванности от практических задач. Отсюда и их низкая отдача. Подчас отдельным агентам даются явно нереальные или «сторожевые» задания без указания конкретных путей и реальных способов их выполнения. Не изжиты факты отбора не представляющей оперативного интереса письменной информации в целях «закрепления навыков».

Не отличается многообразием тактика вербовки в условиях расширения демократизации и гласности.

К сожалению, не делает нам чести то обстоятельство, что отдельные руководители и оперработники проявили некоторую расстерянность в новых условиях и не смогли своевременно придать работе глубокую контрразведывательную направленность, что в определенной степени сказалось на эффективности агентурного процесса.

Особо хочу подчеркнуть, что с учетом этих явно назревших проблем и отмеченных недостатков основные усилия должны направляться на то, чтобы по-боевому решать любые задачи, повышая при этом роль агентуры.

Материалы «круглого стола» подготовил к пяти внештатный корреспондентский пункт «Сборника КГБ ССР» в КГБ Белорусской ССР.

* * *

Редакционная коллегия «Сборника КГБ ССР» полагает, что публикуемый материал «круглого стола» поможет углубленному и плодотворному обсуждению проблем агентурной работы в других органах и подразделениях Комитета госбезопасности.

ПОНЯТЬ СВОЕ ВРЕМЯ

Очерк

Полковник В. СКОМОРОХОВ,
капитан Е. ЛУКИН

Если действовать не будешь, ни к чему ума палата.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Два слова вместо предисловия. По понятным причинам в очерке изменены несколько сама ситуация, псевдонимы, фамилии политических авантюристов, название группы. Наша цель — показать, как по-чекистски грамотно, остро дается отпор различным антидемократическим, чисто политическим спекуляциям членов некой ленинградской группы «Прорыв».

Наш герой — обычный ленинградский чекист. Мы выбрали его потому, что майор Сергей Юрьевич Румянцев творчески, изобретательно вносит свою лепту в общее всенародное дело, защищая перестройку, находится на острие ее, в гуще событий.

Мы живем в примечательное время, когда «революционные перемены распрямили людей»; на наших глазах они преображаются, изменяются их взгляды, мировоззрение. Пример тому — один из персонажей нашего очерка Николай Анатольевич Пурин.

* * *

ИХ ВНЕОЧЕРЕДНАЯ ВСТРЕЧА состоялась рано утром, накоротке, в так называемом обусловленном месте (хоть за это и ругает начальство).

— Уточнил: «демонстрация» вечером, у Казанского собора. Маша сказала, что придет Юл, этот... из «общества прав человека». Соберется человек десять — пятнадцать... «Великая кучка».

— Какой на этот раз повод?..

— Как и раньше, надуманный, «от фонаря»... Снова о «нарушениях прав человека в ССР». Лозунги самодельные, будут у Маши. Разжился я и «обращением», вот оно.

— Что еще?

— Пока с новостями не густо... Да, чуть не забыл, Маша звонила в столицу, корреспонденту ЮПИ. Завтра обещала доложиться, что и как...

— Какая закулисная цель?

— Маша рассчитывает, что их «масштабную демонстрацию» разгонят... Но они надеются на толпу зевак. Пыжатся скандально заявить о себе. Тут любые средства хороши. Мышиная возня. Подзуживание... Но зато об этом звонко растроят «голоса»... Словом, сценарий все тот же...

Румянцев проводил «Котина» взглядом, пока тот не скрылся за поворотом. Чекист привык к манере и стилю его разговора. Несколько фразами телеграфного стиля, но емко обрисует обстановку. Скороговоркой «выстреливает» только факты, только

суть дела. Неугомонный, обязательный, объективный человек. Для него характерно: сказал — сделал. В любое время суток этот надежный помощник дозвонится на работу или домой, никогда не пропускает явки.

Майор Сергей Румянцев приучил себя не торопиться, не делать скоропалительных выводов. Он тяготеет к взвешенным, обоснованным, выверенным решениям. «Этим и силен», — уважительно отзываются о нем коллеги. Что помогает ему избежать грубых ошибок? Чем чекист застрахован от них? Своей высокой политической культурой, профессиональной дальновидностью, зрелостью и остротой нового мышления. Но если он ошибается, то не кривит душой, не прячется за чужую широкую спину, старается предпринять все, что от него зависит, чтобы быстро и без ущерба для дела исправить ошибку.

К чести майора, он обладает самокритичным, взыскательным взглядом на свою каждодневную работу, не задирает нос перед коллегами, если ему удается добиться определенных результатов. Скромен, требователен к себе. До самозабвения любит работу агентуриста, разработчика — это его стихия. В нее Сергей Юрьевич вкладывает всю свою душу, знание, опыт, увлеченность.

...СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ДОСТАЕТ ИЗ СЕЙФА желтую папку с надписью: «Группа «Прорыв». Члены ее раньше особо не выделялись среди ленинградских «неформалов», но в последнее время группа заметно оживилась, доставляет теперь много хлопот. Организует различные демонстрации у Казанского собора, в Михайловском парке, у памятника «Стерегущему» на Кировском проспекте, после чего западные радиостанции раздувают очередную шумиху. Лидеры группы «Прорыв» привлекают к своей работе совсем еще зеленую молодежь. Вот с этими-то руководителями, сбивающими легковерных юнцов с панталыку, надо объективно и внимательно разобраться. Биография любого из них столь «богата», что диву даешься. Сергей Юрьевич еще раз стал вчитываться в лежащий перед ним список.

Быстрова Мария Викторовна, 1948 года рождения, уроженка Ленинграда. Образование высшее. Работает преподавателем. В совершенстве владеет английским языком. В группе «Прорыв» с 1984 года, в настоящее время — ее лидер. Характеризуется агентурой как умный, целеустремленный человек, с сильной волей. Весьма общительна. Умеет вести беседу и аргументированно отстаивать свою точку зрения. Негативно настроена к советской действительности, считает необходимой реставрацию капитализма в СССР. Зафиксированы контакты Быстровой с сотрудниками американского консульства.

Жолин Борис Тимофеевич, 1950 года рождения, уроженец Воронежской области. Окончил техникум. Работал официантом в ресторане «Висла». В 1978 году Жолин был привлечен к уголовной ответственности за грабеж. По характеру резок, способен к необдуманным, экстремистским действиям, деловит, не лю-

бит пустой болтовни. Разделяет политические взгляды Быстровой. В группе «Прорыв» с 1986 года.

Носов Виктор Петрович, 1957 года рождения, уроженец Ленинграда. По образованию химик. С 1973 года состоит на учете в ПНД Красногвардейского района с диагнозом «шизофрения». В 1980 году в отношении Носова было возбуждено уголовное дело за антисоветскую агитацию и пропаганду, однако в силу психической болезни по определению суда был помещен в психиатрическую больницу специального типа. По агентурным данным, эмоционально неустойчивый человек. Стремится к установлению контактов с лицами, ранее отбывавшими наказание за антигосударственную деятельность, а также с эмигрантами...

Румянцев прервал чтение. С этими тремя все ясно: Носов — псих, Жолин — головорез какой-то. Наиболее любопытная, колоритная фигура — Быстрова. Хитра, умна и весьма изворотлива, предельно осторожна. Агент «Котин» как-то рассказал на встрече, что Быстрова ведет дневник, в котором отмечает поступки, малейшие оттенки, нюансы и даже детали в поведении ее связей. Агент однажды, застав ее за этим занятием, спросил: «Зачем тебе это?» А она ему ответила: «Я таким способом, дорогой мой, стукачей выявляю».

«Отдаленно,— отметил тогда про себя Румянцев,— даже похоже, как нас на Высших курсах в Минске учили: вот цепь разрозненных фактов, поступков, плюс характеристики — выяви среди указанных лиц возможного агента спецслужб. Фантастика!».

Пойдем дальше.

Пурик Николай Анатольевич, 1964 года рождения, уроженец Ленинграда. Окончил медицинское училище. Все свое свободное время отдает главному увлечению души — поэзии. Посещает все творческие вечера поэтов, с некоторыми состоит в переписке. Его можно увидеть во многих редакциях, на поэтических «посиделках». Серьезно и болезненно переживает, что его почти не печатают. В группе «Прорыв» с 1979 года. Имеет связи среди членов аналогичной московской группы, а также среди эмигрантов, в том числе сотрудничающих с НТС. Агентурой характеризуется как общительный, но очень осторожный человек. Эрудирован. Владеет немецким языком. К некоторым сторонам советской действительности настроен критически, однако положительно относится к курсу КПСС на перестройку.

В КАБИНЕТЕ РУМЯНЦЕВА ВДРУГ раздался звонок: начальник направления пятой службы вызывал к себе.

На столе подполковника Владимира Геннадьевича Георгиева лежала эмигрантская газета «Русская мысль».

— Вот, майор, полюбуйтесь! — сказал он. — Опять публикация о группе «Прорыв».

Действительно, в маленькой заметке сообщалось о том, что в Ленинграде состоялась демонстрация протеста против «нарушения прав человека в СССР», организованная группой «Прорыв». Однако, сообщала газета, власти, вместо того чтобы всерьез за-

няться «правами», осуществили попытку оттеснить, а затем и разогнать мирную демонстрацию и задержать демонстрантов. Таким образом, подводила итог газета «Русская мысль», Советскому Союзу еще далеко до настоящей демократии.

— Обратите внимание,— сказал Георгиев,— номер газеты вышел 25-го, а акция состоялась 20-го. Кто-то оперативно информирует редакцию или какую-либо иную организацию о событиях в Ленинграде...

За годы работы в органах государственной безопасности Румянцев видел много руководителей. Иной любил вызывать подчиненного «на ковер». Но стоило тому спросить, что нужно сделать, чтобы правильно решить поставленную задачу, следовал традиционный ответ: «Иди и думай!» Как говорится, тут комментарии излишни. Руководитель, не овладевший глубоко профессией, не будет пользоваться авторитетом никогда.

Совсем другое дело — подполковник Владимир Геннадьевич Георгиев. Он хоть и укажет подчиненному на промахи и недоработки, но окрылит его, поможет, ненавязчиво, издалека подведет к правильному решению. И подчиненный понимает: отругали за дело, но и дали дальний совет, подсказали, как дальше действовать. Оттого и уважение к подполковнику Георгиеву соответствующее. Это авторитетный, самостоятельно думающий професионал, весьма компетентный человек.

— Так что там у нас с «Прорывом»? — прервал размышления майора Георгиев.

Румянцев вкратце доложил, что введенный в группу три месяца назад агент «Котин» проявил себя самым лучшим образом. Агент он молодой, но надежный. Имеет возможность периодически выезжать в страны Западной Европы.

«Котин» вводился в группу «Прорыв» через Жолина. Тот работал в ресторане официантом и незаконно приторговывал спиртным. Это и послужило поводом для знакомства. Жолин сразу проникся доверием к агенту, а после того, как тот подарил ему пару иностранных авторучек и еще кое-какие сувениры, даже засуважал.

Как-то во время очередной закупки спиртного Жолин пригласил «Котина» посетить его знакомую Марию Быстрову.

Та поначалу отнеслась к гостю равнодушно. Чувствовалось, что Жолин частенько захаживает сюда со своими собутыльниками. «Котин» в ходе беседы блеснул интеллектом, поговорил с дамой на английском, далеко не трафаретно, в своеобразной, броской манере порассуждал о демократии и гласности. Прощаясь с ним, Быстрова сказала: «Заходите, как-нибудь, потолкуем на досуге».

На следующий день после вечеринки «Котин» заглянул в ресторан к Жолину. Тот, довольный, сказал: «А знаешь, ты старухе понравился! Она интересовалась, кто ты, мол, да что. Я уж расписал тебя, как икону. И такой, и сякой, и вообще парень что надо, свойский, башковитый».

Быстрова вначале держала себя с «Котиным» настороженно, но постепенно вводила в курс дел группы «Прорыв»: рассказала о задачах группы, подготавливаемых акциях, давала мелкие поручения. Через пару месяцев агент стал в доме Быстровой своим человеком. Здесь-то он и познакомился с Пурином.

Чувствовалось, что Николай Пурин постепенно отходит от дел, редко появляется на сбирающихся, а если и приходит, то сидит в сторонке, помалкивает.

Чем привлек «Котин» его внимание — трудно сказать, но наедине с агентом Пурин становился все откровеннее.

МАЙОР РУМЯНЦЕВ, В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ слушая рассказ «Котина» о развитии его контакта с Пурином, старался уяснить для себя: то ли парень действительно взрослеет и начинает понимать, что к чему, то ли «конспирируется», не хочет лезть в первые ряды, отдавая инициативу Быстровой. Но майор понимал: Пурин ему был нужен больше, чем Быстровой. В его руках сосредоточены все связи группы с Западом, и он не спешит их передавать. И хорошо, что не спешит, иначе рухнут все планы майора Румянцева.

— Нам нужен свой «канал», — не раз говорил подполковник Георгиев. — Причем такой, который бы надежно контролировался. А для этого нам позарез нужен Пурин...

Николай попал в группу «Прорыв» пятнадцатилетним мальчишкой — с детства был близко знаком с одним из активистов группы. Конечно, наслушался и начитался всего, знал много и многих. Но чтение «соответствующей» литературы не озлобило его, как это бывает с некоторыми людьми, а лишь усилило критическое восприятие мира, приучило самостоятельно анализировать складывающуюся ситуацию, вырабатывать собственное мнение.

Особенно интересовало Румянцева отношение Пурина к перестройке. Принял он ее или отрицательно относится к новому курсу партии? Это был ключевой вопрос. Агенты сообщали, что у Пурина отношение к перестройке в целом позитивное, однако он недоволен ее темпами и критически высказывает о той «болтовне», которой иной раз щеголяют некоторые газеты, стремясь привлечь к себе внимание. «Ведут себя, как дамы на бульваре», — иронически замечал он по этому поводу.

А вот о политических взглядах Пурина агентура по месту его работы ничего не сообщала. Во время кулуарных дискуссий отмалчивается, никому не навязывает свою точку зрения. Собирается поступать в медицинский институт. Это была вторая зацепка. Значит, Пурин собирается основательно строить свою судьбу, приобрести профессию врача.

О результатах изучения Пурина и докладывал сейчас начальнику Румянцев. Подполковник внимательно слушал его, по ходу задавал вопросы, вникал в детали. Потом, видимо удовлетворенный докладом старшего оперуполномоченного, сказал:

— Готовь рапорт, надо устанавливать личный контакт. Когда собираешься выходить на Пурина?

— В эту субботу.

— Значит, рапорт должен быть у меня на столе завтра. Времени достаточно... Действуй. Не боги горшки обжигают. Кажется, майор, мы не промахнулись, сделав ставку на Пурина...

Суббота была выгодна Румянцеву: это день не рабочий и с кандидатом на вербовку можно будет беседовать достаточно длительное время. Главное — расположить его к себе, суметь убедить.

Пурин пришел к военкомату точно в назначенное время. Поначалу он удивился, узнав, что беседует с майором госбезопасности, но потом довольно быстро сориентировался, успокоился и вел себя естественно...

ГРУППА «ПРОРЫВ» ОБРАЗОВАЛАСЬ в то время, когда Советский Союз подписал Заключительное соглашение по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тогда-то и нашлись в нашей стране люди, занявшись сбором «фактов» о нарушении прав человека. Эти «факты» сообщались на Запад, и «голоса» злобно надрывались в эфире, «освещая» очередную сенсацию. Впрочем, через некоторое время сенсации лопались.

Но это было и, как говорится, быльем поросло. С той поры много воды утекло. Многие члены группы «Прорыв» выехали за рубеж и нашли себе пристанище в Нью-Йорке, Париже, Франкфурте-на-Майне. Одни занялись бизнесом, другие направились дальше по проторенной дороге: стали сотрудничать с антисоветской эмигрантской организацией «Народно-трудовой союз», радиостанциями «Свобода» и «Голос Америки», антисоциалистическим журналом «Континент».

Одно время о группе «Прорыв» стали забывать. Она малость поутихла. Все реже и реже появлялись о ней заметки на страницах западной печати, почти не слышны были в эфире комментарии услужливых корреспондентов.

Майор Румянцев, как и многие советские люди, не раз задавал себе вопрос: кто они, эти «неформалы»? Вот, например, нашумевшая группа «Спасение историко-архитектурных памятников Ленинграда» — вчерашние выпускники ленинградских вузов — протестует против сноса исторических зданий. Или группа «Бюро экологических разработок». Ее члены борются за чистоту окружающей среды. Им стоит пожелать удачи.

Но поступала и по-настоящему тревожная информация. Белый дом заявил о моральной и материальной поддержке самодеятельных объединений в СССР. В Вашингтоне состоялась конференция «по проблемам разведки», где разведывательному сообществу США рекомендовалось инспирировать противоправную деятельность участников некоторых самодеятельных формирований, подстрекать их к проведению антиобщественных действий. Причем предлагалось ориентироваться на таких «неформалов», которые в прошлом привлекались к уголовной ответственности за антигосударственную деятельность, активно участвовали в так называемом «диссидентском движении», то есть «положительно» зарекомендовали себя перед Западом.

Какой вывод из этого следует? Есть данные, что Центральное разведывательное управление проявляет повышенный интерес к самодеятельным объединениям: его сотрудники собирают о них информацию, «выходят» на лидеров, направляют «своих» людей в самую гущу движения для завоевания лидирующих позиций и, конечно же, подталкивают их действовать. Цель ясна — подорвать авторитет нашей партии, скомпрометировать идею перестройки и в конечном счете затормозить поступательное движение нашего общества по новому пути.

Теперь понятно, почему стали появляться на собраниях ряда неформальных организаций сотрудники генерального консульства США в Ленинграде: то с одним побеседуют, то с другим. Свои виды имеют, далеко идущие планы. А бывший поп Александр Шереметьев прямо-таки обивает порог квартиры американского вице-консула: узнает что-либо о самодеятельной группе и скорей бежит к американцу поделиться новостями. Но в конце разговора каждый раз начинает клянчить: посодействуйте, мол, выезду на Запад, хочу жить в свободной стране.

Конечно, «неформал» «неформалу» рознь. Тут к каждому должен быть строго дифференцированный подход: не должно быть ошибок, даже чисто случайных. Сергей накрепко запомнил слова Феликса Эдмундовича Дзержинского о том, что лучше тысячу раз ошибиться в сторону либеральности, чем невиновного человека отправить в ссылку, откуда он вернется активным борцом против Советской власти.

И еще: у каждого, даже оступившегося человека должен быть шанс стать лучше, исправиться. Ему своевременно должен быть брошен «спасательный круг». Не бывает просто плохих и просто хороших людей. Как говорил Лев Толстой: в одной ситуации человек становится героем, в другой — законченным подлецом.

Нельзя допустить, чтобы самодеятельное движение столкнулось с партийными и советскими органами. Румянцев уверен, что после толковых контрпропагандистских публикаций, после большой разъяснительной работы «неформалы» отвернутся от «новоизбранных пророков» зарубежного толка, непременно отвернутся, если они патриоты и душой болеют за будущее страны.

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ БЕСЕДЫ С ПУРИНЫМ в военкомате прошло уже немало времени. Румянцев вспоминает, с каким нетерпением ожидал в тот вечер звонка от «Котина»: рассказал ли ему Николай о встрече с сотрудником УКГБ? И с облегчением вздохнул, когда понял, что Пурин сохранил факт встречи с ним втайне.

Несколько обстоятельных бесед с новым кандидатом на вербовку прибавили Румянцеву уверенности в том, что он на правильном пути. Чекист утвердился во мнении, что ставка на Пурина оправдалась.

На одной из очередных встреч без обиняков, хитровато спросил Пурина:

— Николай Анатольевич, чем закончились дебаты в «собственном бурлящем парламенте»? Какой берег выбрали?

— Перестройку...
— Рад за Вас, Николай Анатольевич...
— Надоело, как цветок в проруби... Сколько можно. Амбиций больше, чем амуниций. Обрыдло на все через черные очки смотреть. Мои бывшие дружки набили мозоли на языках... Ну, что проку злоказычить, упражняться в критиканстве. Доколе? Люди дело делают, а мы им палки в колеса... Вы, Сергей Юрьевич, правы, что сегодня каждый человек должен понять свое время.

— А не жаль бывших друзей, от которых внутренне отмежевываетесь, резко отходите?

— Очень обидно и стыдно за них. Производят весьма тягостное впечатление... Ведь эта замухоморенная, желчная, непробиваемая публика пыжится изобразить из себя «настоящих борцов за демократию». Как ни крути, гнилая кучка. Всего лишь кучка... Слепцы.

— Согласитесь нам помочь?

— Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Вы, Сергей Юрьевич, из трясины меня вытаскиваете. Мозги мне исподволь прочищаете. Вытравляете из меня отрыжку огульного критиканства! Осточертело мне их гипертрофированное самомнение. Можете рассчитывать на меня.

Этих слов Румянцев ждал с особым волнением. Ждал их и Георгиев, который хоть и не пришел на встречу, но постоянно интересовался всеми деталями развития контакта с Пуриным. На него чекисты делали большую ставку. Теперь можно было начинать очередной этап многоходовой комбинации в игре с главным противником...

Румянцеву нравится его работа. Тем более сейчас, когда в стране развернулся процесс перестройки, когда буквально от каждого зависит ее судьба, в том числе и от него, старшего оперуполномоченного майора Румянцева.

г. Ленинград

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ И НОЧИ ТБИЛИСИ

Репортаж из зоны действия
оперативной группы военной контрразведки

Капитан 3 ранга А. ЗДАНОВИЧ,
специальный корреспондент «Сборника КГБ СССР»

В первых числах апреля в результате безответственных акций экстремистских и националистически настроенных элементов резко осложнилась обстановка в некоторых районах Грузии, в том числе в столице республики — Тбилиси. Используя в качестве предлога события в Абхазии, лидеры ряда самодеятельных объединений практически круглосуточно проводили митинги у Дома правительства, на которых прямо призывали к неповиновению властям, отдельные провокаторы выдвигали требования свергнуть существующий строй.

Чтобы обеспечить общественную безопасность и порядок, устраниТЬ очаг напряженности, руководство Грузинской ССР приняло решение использовать войска для очистки площади от митингующих.

К сожалению, провокационные действия экстремистов, а также просчеты и ошибки при планировании и проведении операции привели к человеческим жертвам. Все это до предела накалило обстановку.

В целях усиления контроля за развитием событий, разработки и осуществления мер по стабилизации обстановки в Тбилиси был создан оперативный штаб. В его состав вошли руководители КГБ республики, органов военной контрразведки и разведывательного отдела Закавказского пограничного округа. Сюда же прибыла группа ответственных работников центрального аппарата КГБ СССР. Чекисты добывали упреждающую информацию о замыслах инспирапаторов негативных проявлений, документировали их противоправные действия, оперативно докладывали в инстанции о всех изменениях обстановки, вырабатывали и принимали меры по ее нормализации. С максимальной отдачей работали все — и сотрудники территориальных органов, и военные контрразведчики, и пограничники. Обстоятельный анализ их деятельности в экстремальной ситуации еще впереди. А сегодня наш корреспондент по горячим следам ведет репортаж непосредственно из зоны действия оперативной группы военной контрразведки.

* * *

9 апреля Указом Президиума Верховного Совета Грузинской ССР в Тбилиси был введен комендантский час. По решению командующего войсками Закавказского военного округа в город перебрасывались дополнительные воинские контингенты (общая численность войск превысила двадцать тысяч человек). Вместе с ними в Тбилиси прибыла большая группа сотрудников военной контрразведки. Для координации усилий чекистских коллективов, обмена информацией, планирования и осуществления совместно с КГБ Грузии необходимых мероприятий руководством Третьего главного управления КГБ СССР на базе Особого отдела по Закавказскому военному округу была сформирована оперативная группа органов военной контрразведки региона.

Руководителя группы — заместителя начальника Особого отдела по ЗакВО полковника А. Н. Цурика я застал за подготовкой очередной шифртелефраммы в Москву. В его кабинете (где и расположилась опергруппа), казалось, даже воздух пропитан будоражающей, требующей немедленных действий информацией — беспрестанно звонят телефоны, прибывают с докладами оперработники, передает необходимые данные в КГБ Грузии специально выделенный сотрудник республиканского Комитета.

— Вот в таком ритме работаем уже неделю, с 9 апреля, — поясняет Алексей Николаевич. — Нужно собрать максимум оперативной информации и на ее основе принять правильное, взвешенное решение. Обстановка очень динамичная, в ряде случаев практически не прогнозируемая, поэтому многое зависит не только от нас, сотрудников оперативной группы, но и от действий руководителей и оперсостава временных особых отделов комендантских участков, сотрудников, прибывших в Тбилиси с обслуживающими частями.

Если кратко сформулировать главную задачу особых отделов сегодня, то можно сказать, что это оказание помощи чекистскими средствами военным комендантам в решении вопросов, возникающих при поддержании режима комендантского часа.

Все агенты и доверенные лица, и прежде всего включенные в состав патрулей и нарядов, направлялись на выявление экстремистских действий, фактов идеологической обработки личного состава националистически настроенными элементами, попыток захвата оружием и боеприпасами. Много внимания уделялось работе с задержанными. За сутки на каждом участке (особенно в первые дни после введения комендантского часа) их было 15—20 человек, а иногда и более.

— В отношении каждого из них решение принимали только после тщательного выяснения обстоятельств, при которых он был задержан, — рассказывает начальник особого отдела одного из комендантских участков майор А. П. Астахов. — С отдельными лицами проводились целенаправленные профилактические беседы, других передавали в органы внутренних дел для дальнейшего разбирательства, многих утром отпускали (как правило, тех, кто появлялся в зонах патрулирования в ночное время, но не совершил никаких противоправных действий).

В нашу беседу включился начальник особого отдела третьего комендантского участка майор Ю. А. Журба.

— Чаще всего, — сказал он, — в поле зрения попадали лица, пытавшиеся организовать несанкционированные митинги, учинявшие подстрекательские и националистические надписи на зданиях, распространяющие листовки такого же содержания. Информация об этом незамедлительно передавалась в оперативную группу, а оттуда в штаб и соответствующие подразделения КГБ Грузинской ССР.

В подтверждение своих слов Юрий Анатольевич показал мне газету «Заря Востока» от 14 апреля, где в сообщении военного коменданта Тбилиси на основании данных, полученных от особого

отдела КГБ, отмечалось: «В городе появляются листовки с провокационными призывами. Военным патрулем задержана гражданина Н. В. Липартелиани при расклейвании листовок националистического толка...»

— Информация о ее действиях, — пояснил Журба, — была получена в результате активной работы сотрудников особого отдела с доверенными лицами из патрульных. Это же позволило оперуполномоченному капитану С. А. Лазареву обнаружить «архив на колесах» — автомашину, где находилась переписка отдельных активных членов Общества Ильи Чавчавадзе, письменное заявление для печати одного из лидеров «неформалов» М. Коставы (ранее задержанного органами МВД), незаполненные бланки членских билетов общества, другие материалы, а также флаги времен правления меньшевиков в Грузии.

Заслуживающую внимания информацию получали особые отделы и других комендантских участков. За весь период действия режима комендантского часа было задержано 1 439 человек, совместно с органами МВД изъято 1 320 стволов огнестрельного и более чем 2 500 единиц холодного оружия.

Необходимо обратить внимание и еще на один момент, не поддающийся количественному, цифровому выражению, но исключительно важный в той непростой обстановке. В условиях, когда военнослужащие, патрулировавшие на улицах и площадях города, постоянно входили в контакты с местными жителями, в том числе негативно настроенными к войскам, нельзя было исключить и возможные эксцессы. Поэтому сотрудники особых отделов ориентировали агентуру и доверенных лиц из военнослужащих на активное участие в беседах с тбилисцами, разъяснение роли рядового и офицерского состава в происходящих событиях, вскрытие и пресечение попыток несанкционированных действий патрульных по отношению к гражданским лицам, что могло спровоцировать новые вспышки напряженности, привести к трагическим последствиям. И этого в итоге удалось избежать.

За определенными успехами, достигнутыми в работе, руководство оперативной группы и сотрудники особых отделов на местах ясно видели также допущенные промахи, неиспользованные возможности, объективные трудности.

Послушаем, к примеру, мнение старшего оперуполномоченного подполковника Г. А. Новикова, исполнявшего обязанности начальника особого отдела седьмого комендантского участка.

— Участок был довольно сложный, — начал он, — ведь это центр города, где сконцентрированы объекты культуры и науки, учебные заведения. Там, среди студенчества и творческой интеллигенции, зарождались и протекали негативные процессы, что делало их взрывоопасными очагами. Естественно, что в числе задержанных по тем или иным причинам могли находиться экстремистски и националистически настроенные элементы. В помещении комендантского участка, где находились задержанные, скапливалось одновременно до двух десятков человек. Вот здесь бы нам и использовать агентуру из местных жителей, владеющих грузин-

ским языком, в целях выявления представляющих оперативный интерес лиц. Много сложностей возникло и из-за того, что мы оказались технически невооруженными. В условиях, когда буквально каждая потеряянная минута могла отрицательно сказаться на результатах наших действий, сотрудники особых отделов на комендантских участках зачастую не могли передать в опергруппу или своим «соседям» необходимую информацию. И если в помещении самого участка мы использовали установленный там городской телефон, то на выезде, в местах расположения постов, этой возможности не было. Оперативный состав не имел фотоаппаратов для документирования тех или иных противоправных действий. Появилась необходимость использовать малогабаритные средства звукозаписи, так как многие заявители из местных граждан не только не называли себя, но и болезненно реагировали на фиксацию чекистами (даже выступающими от имени командования) существа беседы на бумагу. К тому же это отнимало и без того дефицитное время.

На первый взгляд может показаться, что затронутые подполковником Новиковым вопросы носят второстепенный характер и не заслуживают пристального внимания, но те, кому довелось поработать в Сумгаите, Ереване, Степанакерте и других городах региона, когда там имели место известные события, думаю, согласятся с его доводами.

Ряд проблем, которые решались не всегда оперативно и качественно, отметил на одном из совещаний в особом отделе округа заместитель начальника Третьего главного управления КГБ СССР генерал-майор Ю. А. Калганов. В частности, он обратил внимание присутствовавших на то, что не удалось сделать все необходимое для вскрытия замыслов экстремистских и националистических элементов в отношении личного состава, используемого для поддержания режима комендантского часа. А ведь ранее, практически еще в начале года, на основе полученной из КГБ Грузии и добытой силами военных контрразведчиков информации был сделан в целом правильный прогноз возможной направленности действий наиболее агрессивных групп. Но некоторые оперработники и руководители ошибочно полагали, что работа по такого рода самодеятельным объединениям националистического толка — задача исключительно территориальных органов, а потому стали активно разворачиваться только после трагических событий на площади у Дома правительства 9 апреля, когда среди части молодежи и студенчества начали распространяться антиармейские настроения, появились явные признаки психологического давления на военнослужащих и членов их семей, вплоть до прямых угроз расправы, расклейивания листовок с призывами к акциям «возмездия» и т. д.

Поэтому перестраиваться приходилось, как говорится, прямо на ходу, без раскачки, так как обстановка неумолимо требовала активных, наступательных действий.

Как часто, наверное, бывает в сложных условиях, в каждом коллективе довольно быстро выявляется, «кто есть кто». Инициативные, решительные, смелые люди выдвигаются в первый эшелон,

добиваются успеха в ситуациях, когда требуется не теоретически, а на практике отличить авантюру от разумного оперативного риска и сознательно пойти на него.

Вот, например, что мне рассказали о действиях старшего оперуполномоченного майора Вячеслава Кузнецова. Случайно оказавшись на месте проведения митинга молодежи, он представился одному из участников спортсменом, прибывшим на сборы из Прибалтики, и поинтересовался происходящим, какие цели преследуют митингующие. В завязавшейся беседе Кузнецов получил некоторые данные о наиболее активно выступавших лицах, их отношении к действиям воинских подразделений, мерам, предпринимаемым в рамках комендантского часа.

Свои вопросы Кузнецов ставил так, чтобы студенты вывели его на функционеров неформальных объединений. Расчет оправдался, и в итоге его познакомили с представителем так называемой «национально-демократической партии Грузии», с которым в последующие дни Кузнецов провел несколько полезных в оперативном отношении встреч.

Информация Кузнецова и завязавшиеся контакты после их всесторонней оценки положены в основу разрабатываемой агентурной комбинации, рассчитанной на проникновение в среду экстремистов в целях выявления их возможных устремлений к войскам, попыток приобрести единомышленников среди личного состава воинских частей, дислоцированных в Тбилиси, добыть оружие и боеприпасы.

Через несколько дней я встретился с самим Кузнецовым.

— Скажите, Вячеслав, чем вы руководствовались, на что надеялись, завязывая контакты с «неформалами»?

— Я отчетливо сознавал, что нельзя упускать стихийно сложившуюся ситуацию в интересах решения оперативных задач. Некоторый опыт у меня был — работал в Группе советских войск в Германии, по роду деятельности приходилось общаться с иностранцами, в том числе незнакомыми, знаю немецкий и польский языки, поэтому выдать себя за поляка, проживающего в Литве, особого труда не составляло. Не сомневался я и в своих способностях при необходимости физически постоять за себя. Но кое-какие сомнения все же были: например, как расценят мои действия руководители. Ведь мы нередко информацию агента или доверенного лица оцениваем выше, чем непосредственно полученную самим офицером-агентурристом. Взвесив все, я и пошел на контакт с митингующими. Думаю, что непредсказуемые ситуации возможны и в дальнейшем, а если мы начнем пасовать, то кому это будет на руку?

Да, сомнения в экстремальной ситуации, видимо, неизбежны, и преодолеть их помогает хорошая морально-психологическая подготовка чекиста, твердая уверенность, что товарищи и руководители правильно поймут и оценят твои поступки. Именно это в конечном счете помогло правильно сориентироваться в критической ситуации Вячеславу Кузнецову и его коллеге майору Владимиру Шевцову. О последнем также следует сказать подробнее.

Найти Шевцова оказалось довольно трудно, так как большую часть суток он проводил вне стен особого отдела. Вот фрагмент из его рассказа:

— В первые же дни после введения комендантского часа командование округа совместно с партийными комитетами города и местными чекистами предприняло попытку организовать совещание бывших воинов-интернационалистов, проходивших службу в Афганистане, имея в виду привлечь их к совместной деятельности по нормализации обстановки. Совещание состоялось 13 апреля в Доме офицеров округа и показало, что они — сила, на которую можно опереться при решении задач по поддержанию общественной безопасности в Тбилиси. «Афганцы» организовали городской штаб, выделили своих представителей в районы, установили контакты с комендантскими участками. Мы предполагали, что активность воинов-интернационалистов не останется незамеченной негативно настроенными, в том числе к армии, элементами. Существовала потенциальная опасность, что экстремисты попытаются использовать отдельных «афганцев» в своих акциях, вплоть до захвата с их помощью оружия и получения информации о принимаемых комендантами мерах.

Естественно, встал вопрос о приобретении негласных позиций среди «афганцев». Эту работу мы проводили параллельно с соответствующими подразделениями КГБ республики. По договоренности с командованием я в качестве офицера штаба округа был направлен в Дом офицеров, где собирались бывшие воины, присутствовал на их собраниях, присматривался к ним. Так как разговоры велись в основном на грузинском языке, мне пришлось обращаться с просьбами о переводе к отдельным из присутствовавших ребят. На этой почве устанавливались контакты, завязывались связи. Причем учтите, что речь идет не о месяцах, не о неделях или даже днях. Порой контакты развивались в течение всего нескольких часов, и за это время требовалось выделить тех, на кого можно положиться. Уже на третий день работы я установил доверительные отношения с некоторыми «афганцами», в том числе имеющими выходы на интересующую нас среду.

Одновременно по мере поступления списков бывших воинов-интернационалистов проводилась их проверка по оперативным учетам. К сожалению, списки добывались с большими трудностями и с задержкой по времени, так как сводной информации по «афганцам» в нашем распоряжении первоначально не имелось.

Не удалось и полностью использовать потенциал тех особых отделов, объекты оперативного обслуживания которых дислоцировались в Тбилиси, в том числе имеющуюся у них на связи агентуру из лиц, ранее проходивших службу в Афганистане. Привлечение таких негласных помощников к работе в городском и районных советах воинов-интернационалистов могло бы расширить наши возможности, так как эти советы в условиях комендантского часа стали своеобразными приводными ремнями, связующими армейскую среду с местным населением, особенно с молодежью.

Анализ поступавшей в эти дни в опергруппу информации давал основания для вывода о том, что специфический интерес к войскам проявляют не только местные «неформалы», но и «гастролеры» из других регионов страны, в частности Прибалтики. Уже упоминалось о том, что представители молодежных (и не только молодежных) групп довольно легко пошли на контакты с майором Кузнецовым, выдавшим себя за жителя Литвы. Значит, была обоядная тяга, и это учитывалось в контрразведывательном обеспечении воинских частей, тем более что после последнего призыва национальная структура личного состава, в том числе проходящего службу в Тбилиси, заметно изменилась — значительно увеличился процент военнослужащих из Эстонии, Литвы, Латвии. Отдельные из них до службы входили в состав различных негативных группирований и могли поддерживать экстремистские проявления в столице Грузии. Это обстоятельство особые отделы учли при формировании и расстановке негласного аппарата в частях. Принятые меры, как и предполагалось, не были лишними.

— На КПП дивизии внутренних войск, — рассказывает начальник особого отдела по этому соединению подполковник Валентин Ефремович Москаленко, — уже 12 апреля появился молодой человек, представился бывшим военнослужащим этой части и просил пропустить на внутреннюю территорию якобы для встречи с командованием. Находившийся на КПП доверенный, проверив документы посетителя, сообщил о нем командованию и одновременно в особый отдел. Как показали проведенные по «визитеру» проверочные мероприятия, он оказался корреспондентом информационного бюллетеня «Возрождение», издаваемого литовским «Саюдисом», ранее действительно проходил службу в конвойной дивизии и сохранил связи с некоторыми прапорщиками. Его целью было получение «неизвестной общественности» информации о проведенной ночью 9 апреля операции и распространение бюллетеня среди военнослужащих. Принятыми мерами усилия «корреспондента» удалось локализовать. Много сделал для этого оперуполномоченный капитан С. П. Степанов, умело использовав имеющихся у него на связи агентов. О возможных действиях «визитера» в городе, его связях в журналистских кругах были своевременно проинформированы заинтересованные подразделения КГБ Грузинской ССР.

Мы привели лишь некоторые эпизоды из многогранной работы, проведенной сотрудниками особых отделов в этот сложный период. Но, пожалуй, картина напряженных будней военных контрразведчиков в особых условиях, сложившихся в Тбилиси в первой половине апреля, будет неполной, если ограничиться рассказом об их оперативно-служебной деятельности, и не учесть то, что влияло на эту деятельность, пусть даже косвенно. Послушаем, что говорит по этому поводу помощник начальника Особого отдела КГБ ССР по ЗакВО подполковник В. К. Сушко.

— Как известно, — сказал он, — отдельные воинские части округа, начиная с событий в Сумгаите, привлекаются для решения задач по обеспечению общественной безопасности, реализации

мероприятий в рамках особого положения и комендантского часа. Вместе с обслуживающими частями убывали в назначенные районы и оперативные работники. Неопределенность времени, в течение которого части должны были оставаться в местах временной дислокации, интенсивная, без выходных и праздников, работа, длительная оторванность целого ряда наших офицеров от своих семей вызывали, естественно, некоторую психологическую напряженность. А в Тбилиси к этому добавился еще такой немаловажный фактор, как непрекращающиеся угрозы в адрес военнослужащих и членов их семей, в том числе детей. И такие сообщения шли практически каждый день. Угрозы были вполне реальными, поэтому командованию приходилось организовывать патрулирование в местах проживания офицеров, а иногда даже оставлять на ночь вооруженных солдат в квартирах, где отцы семейств находились в командировках или отсутствовали по другим причинам. Кстати, на дверях квартир некоторых офицеров, в том числе сотрудников особого отдела, появлялись непонятные метки, что в условиях психологического напряжения воспринималось членами семей как возможная подготовка экстремистских элементов к противоправным действиям.

И несмотря на все это, наши товарищи не дрогнули, проявили лучшие качества коммунистов-чекистов.

Десять дней. Именно столько действовал в Тбилиси комендантский час. Срок небольшой, но сколько новых мыслей, оценок, нестандартных решений привнесено за это время в оперативную практику военных контрразведчиков. Они еще подлежат систематизации и анализу для выводов на перспективу. Что-то будет отброшено, что-то возьмут на вооружение сотрудники особых отделов округа, да, вероятно, и не только они.

На итоговом совещании, проведенном генерал-майором Ю. А. Калгановым, отмечалось, что армейские чекисты в Тбилиси справились с поставленной перед ними задачей. Вместе с тем есть еще много нерешенных вопросов, и на них надо сосредоточить свои усилия всем без исключения сотрудникам особых отделов, используя в полной мере приобретенный опыт.

Тбилиси — Москва

Чекистский характер

ВОЙНА ДЛЯ НЕГО ПРОДОЛЖАЛАСЬ...

Майор С. ЛОБАНОВ,
специальный корреспондент «Сборника КГБ СССР»

...В 10.30 утра в одной из исправительно-трудовых колоний строгого режима, что в Ворошиловградской области, двое осужденных проникли в административное здание производственной зоны, вошли в комнату, где находились восемь работниц отдела труда и зарплаты, и объявили их заложницами. Вооруженные самодельным огнестрельным оружием и ножами преступники забаррикадировали дверь и пригрозили, что убьют заложниц, если не будут выполнены их требования.

Штаб предпринял последнюю попытку мирных переговоров. После того как и она закончилась безрезультатно, разрядить ситуацию бескровно не представлялось возможным. Было принято решение о применении оружия. В результате четких, молниеносных действий майора КГБ А. Рудченко и прaporщика внутренних войск С. Немова террорист Корж был убит на месте, а Максимов ранен. Никто из заложниц не пострадал.

(Из публикаций в газетах)

1. ОПЕРАЦИЯ

Никто в УКГБ УССР по Ворошиловградской области не ожидал, что праздничный день 12 апреля будет столь тревожным и потребует от многих особого напряжения физических и духовных сил.

В начале одиннадцатого тревожно зазвонил телефон на столе Онуфриенко Виктора Александровича, заместителя начальника Коммунарского горотдела УКГБ. Доверенный быстро сообщил о происшествии в колонии. Дальнейшие действия развивались еще стремительнее. Четкий доклад руководству Управления. Получены необходимые инструкции — и срочно туда, где произошло чрезвычайное происшествие.

Несколько слов о преступниках.

Корж Олег Васильевич, 1968 года рождения, уроженец и житель Павлограда Днепропетровской области, к восьми годам был осужден за грабеж, разбой и злостное хулиганство. Начал отбывать срок в октябре 1986 года.

Максимов Владимир Николаевич, 1961 года рождения, уроженец Барнаула Алтайского края, жил в Кременчуге Полтавской области. Трижды судимый, последний раз осужден к пятнадцати годам лишения свободы за кражу, убийство и употребление наркотиков, отбывал срок с февраля 1981 года.

Оба в этой колонии находились с января, работали в разных бригадах и даже цехах. Они хорошо подготовились. Конспиративно смогли изготовить два ножа, сделать самопал, четыре взрывпакета, где-то достали банку бензина, к которой прикрепили взрывное устройство на спичечной сере. Наверняка хорошо знали и расположение комнат в завоуправлении и кто в них работает. Комната отдела труда и заработной платы находится на первом этаже, в конце темного коридора. Работают там восемь женщин среднего и пожилого возраста. Преступники все рассчитали: стрелять по ним не будут, а их требование выполнят.

Ворвавшись в комнату, они первым делом забаррикадировали столами дверь, а окна с решетками делали ее еще более непрступной. Затем Корж и Максимов заявили женщинам: «Вы — заложницы». Эти слова, направленное на них оружие, зверское выражение лиц сделали свое дело. Двум женщинам стало плохо. Немного позже удастся договориться, чтобы их отпустили, а пока бандиты заявили: «Если ваша администрация поступит так, как мы требуем, никого не тронем» — и позвонили начальнику колонии.

Они начали с требования предоставить большой автобус с полным бензобаком и водителя, которому они скажут, что делать, окна автобуса закрыть одеялами. И опять предупредили: если их требования не выполнят, заложницы будут убиты.

Так уж случилось, что именно в этот день в колонию приехал сотрудник особого отдела КГБ майор Анатолий Михайлович Рудченко. Приехал для того, чтобы встретиться с резидентом, привести явки с агентурой. В момент захвата он находился в канцелярии, поэтому был в курсе случившегося.

Зная, чем все это может кончиться, А. М. Рудченко позвонил преступникам и сказал, что хотел бы уточнить некоторые их требования.

Подойдя к окну, он увидел направленный на него самодельный пистолет.

— Нам терять нечего, начальник, — заявил Максимов.

Корж все это время стоял за одной из женщин, держа острие ножа у ее шеи.

— Сперва убери «пушку»! Я два года смотрел в дуло, не боюсь! — ответил Рудченко.

— Это где же?

— В Афганистане!

— «Афганцев» уважаем.

И Максимов убрал самопал. Рудченко предложил: он будет заложником вместо женщин. Отказ. И отказались в столь категоричной форме, что ни о каких переговорах не могло быть и речи.

А Анатолий Рудченко продолжал ходить к преступникам, старался их образумить, уговаривал, чтобы заканчивали «комедию», администрация применять штрафные санкции не будет. В конце концов удалось договориться о женщинах, которым стало плохо. Преступники согласились их выпустить, но только при посредничестве заключенных.

Тем временем начал действовать оперативный штаб — руководители УКГБ, УВД, областной прокуратуры, работники колонии. Сотрудники УКГБ сразу же по прибытии на место происшествия встретились со своими негласными источниками, выяснили обстановку в колонии, среди заключенных. Все было спокойно.

Штаб готовил операцию по освобождению заложниц. Обсуждая план предстоящих действий, исходили из того, что те двое ни на минуту не расстаются с оружием и постоянно держат одну из женщин под ножом. Оставалось ждать. Связным между бандитами и штабом по-прежнему был Рудченко. На вопрос: «Сколько раз ты к ним ходил?» — он ответить не смог, не считал, но каждая из попыток могла оказаться последней. Однако ему удалось все-таки успокоить террористов, заставить поверить, что их требования будут выполнены.

Потом, с кем бы я ни говорил, все отмечали, что мужество, самообладание А. Рудченко предотвратили кровопролитие. От его терпения многое зависело. Не каждый был уверен, что смог бы действовать в такой обстановке смело, уверенно и, главное, спокойно.

...Наконец дали им автобус. И сразу же требование: при их посадке в автобус в радиусе 200 метров никого не должно быть. Выполнили и это, а они в ответ как предупреждение — взрыв самодельного устройства.

Напряженность достигла предела, жизни заложниц были в большой опасности. Видя, что ничего не помогает, штаб решил провести боевую операцию. И тут возник вопрос: кто будет выполнять решение штаба? Выбор пал на А. Рудченко. С его стороны возражений не было. В ходе коротких, но многократных бесед у преступников выработались какие-то свои отношения с Рудченко: они поверили ему.

К сожалению, по независящим ни от кого причинам провести операцию там, где планировали, не удалось. Преступники с заложницами на автобусе выехали из зоны.

На первой же остановке у железнодорожного шлагбаума в качестве предупреждения — взрыв, вторая остановка — еще взрыв.

Вначале преступники требовали довезти их до автострады. Видимо, они планировали захватить одну из проходящих легковых автомашин. Но, увидев, что вокруг плотным кольцом стояли сотрудники правоохранительных органов в полной боевой готовности, отказались от задуманного и потребовали везти их в другую колонию, расположенную неподалеку, где они отбывали срок раньше. Потом выяснилось, что они хотели захватить еще одного заключенного, своего дружка.

Опять к ним пошел А. Рудченко, опять он их начал уговаривать, и опять уговоры кончились ничем.

И здесь наступила развязка.

— Очередной раз направился к преступникам и уже был готов применить оружие. Перед этим я дал твердую гарантию прокурору, что ни одна из заложниц не пострадает. Бронежилет на-

девать не стал, потому что его вид мог все испортить. Корж и Максимов сразу бы поняли, что к чему. Зарядив пистолет и заткнув его за пояс, я пошел к ним. Они привыкли ко мне, и поэтому мои действия притупили их бдительность. Когда я подошел к автобусу, то первым делом хотел выяснить, где кто находится. Сориентировавшись в обстановке, позвал Максимова. Когда его лицо появилось из-за занавески, я выхватил пистолет и мгновенно произвел четыре выстрела. Затем — быстро в автобус, а там на меня с ножом в руке идет Корж. Лицо перекосила звериная гримаса, рот открыт, в глазах бешенство. Все, что осталось в магазине пистолета, выпустил в него. Корж упал замертво. А Максимов оказался тяжело раненым. Все произошло действительно быстро, друзья потом говорили: «Все заняло меньше минуты...»

Да, все заняло меньше минуты. А операция продолжалась чуть больше трех часов. Три часа напряженных, упорных переговоров, три часа постоянного нахождения под дулом, под ножом.

Тяжело, но и радостно было смотреть на освобожденных женщин. Их растерянные, испуганные глаза были полны слез благодарности. Они целовали, обнимали Анатоля, радовались освобождению, знали, что их не оставят в беде.

Конечно же не оставят! Самопожертвование и мужество были присущи чекистам всех поколений. Об этих нравственных категориях мы помним всегда, во всех ситуациях. И каждый следующий смелый поступок не будет похож на предыдущий, в каждом найдется что-то свое, неповторимое.

2. ГОДЫ БУДНЕЙ И МИГ ПОБЕДЫ...

Когда по заданию редакции я летел в Ворошиловград писать об Анатолии Рудченко, то мысленно рисовал его образ. Мне он представлялся человеком высоким, широкоплечим, мужественным. Только в одном я не ошибся, в последнем. А так это обычный человек, неброский. Если встретишь на улице, не подумаешь, что он в одиночку, безоружный, без бронежилета ходил на переговоры с бандитами, уговаривал их, а когда договориться не удалось, выполнил приказ об их уничтожении. И рука не дрогнула, хотя в душе, наверное, все клокотало.

Против меня за низким столиком с чашками чая сидел Анатолий. Я пытался разговорить его, узнать что-то о нем, о службе, о семье, о мечтах. Ясно, что давать интервью, рассказывать о себе всегда трудно. Но постепенно беседа наладилась. Много интересного я узнал об этом скромном человеке.

...Он родился и вырос в Коммунарске, что недалеко от Ворошиловграда. Там учился в школе, потом в профессионально-техническом училище. До армии работал слесарем в одной из строительных организаций. Служил в конвойных войсках, и, видимо, это обстоятельство еще больше укрепило желание молодого человека стать чекистом. Быть чекистом Анатолий решил давно, еще школьником — любил порядок.

Незаметно прошли четыре года учебы в Рязанской школе милиции. Началась трудоемкая работа. Объекты, которые обслуживал Рудченко, были очень тяжелыми. Источников информации подбирал из заключенных, а эта категория людей имеет свои нравственные понятия и живет по своим преступным законам. Не буду расписывать трудности, с которыми столкнулся молодой выпускник, но, как я слышал, он их быстро преодолел.

Чем он брал поначалу? Скорее всего настойчивостью, дотошностью, терпением и уважительным отношением к людям. Это заметили сразу. Заметили и то, что он не перебивал словоохотливых собеседников, и нужная информация приходила к нему все чаще.

Эти качества при нем и сегодня, только теперь уже помноженные на профессиональный и жизненный опыт. Работает умело и надежно, переделывать за них не надо.

В 1983 году, когда проводилась реорганизация, особый отдел, где служил Анатолий Рудченко, перешел в систему Комитета государственной безопасности. Немного изменился характер работы, но цели и задачи остались те же.

В апреле 1986 года весь мир узнал о чернобыльской трагедии. Анатолий Рудченко в это время оперативно обслуживал подразделение, которое через несколько дней будет направлено в опасный район. С ним поедет и Рудченко. Почти месяц подразделение охраняло 30-километровую зону. И все это время, решая свои чекистские задачи, там находился Рудченко.

Через год он попросился в Афганистан. Более двух лет, до самого последнего дня, он будет драться с душманами, делить с солдатами радость побед и горечь потерь.

Незаметно наш разговор перешел на проведенную операцию. Я пытался узнать подробности, которые дополнили бы общую картину. Меня интересовало, как он готовился к финалу, к развязке.

— Мы пытались во что бы то ни стало избежать риска. Штаб обсуждал все действия, вырабатывал новые. Необходимо было усыпить бдительность преступников, попытаться их образумить, убедить не делать глупостей, — рассказывал Анатолий. — И все-таки пришлось стрелять.

— Анатолий, это у тебя был первый такой случай? Наверное, страшно оказаться в ситуации, когда и в тебя могут стрелять, бросить нож?

— Страшно было за жизнь заложниц, — признается Анатолий. — С одним было расправиться проще. Мне надо было принять верное решение и поймать точку, откуда можно беспрепятственно поразить второго. Все это отвлекало от мысли о собственной безопасности. Страх ушел куда-то внутрь, в подсознание, на второй план. Чтобы быть спокойным, я все время говорил себе: «Вспомни Афганистан, об опасности не думай, о страхе забудь».

Я часто вспоминаю афганскую командировку. Многому там научился, многое понял. Обслуживал несколько подразделений в одной из дивизий. Чекистская работа там была совсем не такая, как в Союзе. Намного труднее. Вопросов возникла уйма. Напри-

мер, как и где проводить встречи с агентурой? Как получить письменную информацию? Приходилось осваивать все с ходу, подстраиваться под наших помощников. И еще. Там я понял, что личный пример оперработника многого стоит.

Вспоминается бой, произошедший у кишлака Сон-Бор. Наша часть сопровождала колонну грузовых машин. На подъезде к кишлаку колонна попала под плотный прицельный огонь душманов. Все залегли от неожиданности. Командир разведывательного батальона решил внезапным ударом сбить мятежников, не дожидаясь подмоги. Быстро разведали, что и где, и в атаку. Я все время был рядом с командиром, а с началом штурма ушел в боевые порядки, к бойцам.

По команде мотострелки открыли прицельный огонь по наиболее опасным целям — пусковым установкам РС, позициям минометов и безоткатных орудий. Постепенно большая часть кишлака оказалась под нашим огневым воздействием. Одну за другой гасили они огневые точки «духов». Обстрел колонны прекратился. Когда выбили душманов из кишлака, захватили много карт, документов, оружия, боеприпасов, военного снаряжения. А потеря у нас не было. Только несколько человек получили легкие контузии и сгорело два БТРа.

Наши помощники, видевшие, что я тожеучаствую в бою, по-другому стали относиться ко мне, уважительнее...

Да, война для Анатолия Рудченко еще не кончилась. То есть вообще-то она кончилась 15 февраля, а он еще духовно вроде бы не вышел из боя. Поэтому, наверное, он морально и физически был готов сразиться с преступниками в автобусе.

Смелый и мужественный человек Анатолий Рудченко. Родина по достоинству оценила его лучшие человеческие качества. За Афганистан он награжден орденом Красной Звезды и двумя афганскими медалями, за Чернобыль — медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», а за спасение заложниц представлен к награждению орденом «За личное мужество».

Каждый день он идет по знакомым улицам Ворошиловграда на работу. Его ждут дела, новые встречи с людьми. Их, наверное, будет еще очень много, дел важных и нужных.

Вот такая произошла у меня встреча с интересным человеком. Как говорится, ни убавить, ни прибавить.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Итак, боевая операция успешно завершена. Заложницы освобождены, преступники получили по заслугам. На этом можно было бы поставить точку, но есть вопросы и проблемы, которые заставляют немного порассуждать.

Сейчас многие газеты и журналы описывают подробности боевой операции «Гром». Для чекистов — это учебное пособие.

Естественно, о мужественных людях, чекистах, готовых пожертвовать своей жизнью ради спасения детей и женщин, рассказывать надо. Здесь не должно быть сомнений. Но надо ли так под-

робно писать о том, как действовали Якшиянц и его сообщники? Случай, происшедший в Ворошиловградской области, почти копия операции «Гром». Это уже третий случай за короткое время. И, к сожалению, не последний.

Беспокоит и другая проблема — личная безопасность сотрудников КГБ и других участников подобных операций. Многие органы печати сочли своим долгом «осветить» эту операцию и называть майора А. Рудченко. А надо ли было в открытой прессе упоминать фамилию того, кто стрелял в преступников? От оперативных источников уже получена информация о желании родственников убитого Коржа встретиться с Рудченко, видимо, не для того, чтобы его отблагодарить. Братья тяжело раненного Максимова — известные личности в преступном мире.

Я уверен, что, узнав об этом, Рудченко не испугается и сумеет постоять за себя, но у него есть семья — жена и дочь. О их безопасности надо тоже думать.

И последнее.

Сейчас во многих странах обсуждается вопрос о том, что физическое уничтожение террористов должно рассматриваться как самооборона. У нас в последнее время было несколько случаев терроризма (Овечкины, Якшиянц, захват самолета в Баку и этот, в Ворошиловграде). Это громкие дела, но есть такие, о которых широко не писали. И каждый раз террористы ставили под угрозу жизнь многих людей. Они шли на эти действия сознательно, с отработанным планом, изготавливали и применяли оружие. Почему же государство должно лояльно относиться к таким отщепенцам? Неужели надо ждать новых жертв, чтобы «завести», столкнуть неповоротливую юридическую машину? Эти вопросы надо решать уже сейчас, и как можно быстрее. Необходимо принять такой закон или статью уголовного законодательства, в которых все эти вопросы были бы освещены и определено наказание преступникам соразмерно преступлению.

Ворошиловград — Москва

ПОПЫТКА УГОНА САМОЛЕТА ПРЕДОТВРАЩЕНА

Подполковник А. ИЗМОДЕНОВ,
майор Н. ДАВЫДОВ

30 марта 1989 года следовавший по маршруту Воронеж—Астрахань—Баку самолет Ту-134 с 77 пассажирами на борту после вылета из Астрахани был захвачен неизвестным лицом. Преступник через бортпроводницу В. Золотареву передал экипажу записку, в которой требовал в обмен на заложников 500 тысяч долларов, а также изменить маршрут полета и лететь в Непал или Пакистан. В случае невыполнения этих требований он угрожал взорвать самолет.

В создавшейся ситуации летчики не дрогнули. Они убедили преступника совершить посадку в аэропорту Баку, мотивируя это необходимостью дозаправки и неподготовленностью экипажа выполнять международный полет. Кроме того, страстное желание преступника стать полумиллионером могло исполниться только на земле. А там уже готовились к достойному приему, хотя многое было неясным.

К сожалению, в последнее время цепочка самолет—аэропорт—КГБ нередко стала приводиться в рабочее состояние. Хорошо, что она срабатывает надежно. Несомненно, этому способствуют усилия Четвертого управления КГБ СССР, органов КГБ на местах и взаимодействующих ведомств по повышению боеготовности сил и средств, задействованных в операции по плану «Набат», проводимые в этих целях региональные и зональные учения, внезапные проверки, сборы руководителей групп захвата.

Руководитель полетов аэропорта Баку, получив в 23 часа 27 минут сообщение с борта воздушного судна, информировал дежурную службу КГБ Азербайджанской ССР. Возглавляющий республиканский оперативный штаб Председатель КГБ генерал-майор И. И. Гореловский объявил операцию «Набат». Срочная информация о случившемся пошла в КГБ СССР, ЦК Компартии и Совет Министров Азербайджана, в УКГБ по Воронежской и Астраханской областям. В район аэропорта спешили оперативные группы.

В 23 часа 45 минут самолет совершил посадку в аэропорту города Баку. Ему была предоставлена стоянка, специально предназначенная для проведения указанной операции. Первичное блокирование осуществлялось силами линейного отдела милиции.

Члены оперативного штаба, прибыв на КП аэропорта и изучив складывающуюся обстановку, проинформировали о ней центр, партийные, советские органы республики. В КГБ СССР для руководства операцией был образован центральный штаб во главе с генерал-полковником В. П. Пирожковым. Для оказания практической

помощи в проведении мероприятий по освобождению заложников в Баку направлялись начальник третьего отдела Четвертого управления полковник Р. С. Ишмияров и специальное подразделение Седьмого управления КГБ СССР во главе с подполковником В. Ф. Карпухиным.

Следственный отдел КГБ республики возбудил уголовное дело по ст. 15, ч. 1 ст. 76, ч. 2 ст. 212—2 УК АзССР.

С начала проведения операции перед республиканским штабом ставилась главная задача: использовать весь арсенал сил и средств для сохранения жизни пассажиров.

С членами экипажа поддерживалась постоянная радиосвязь. Летчикам было рекомендовано убедить преступника освободить женщин и детей. Сделать это удалось. Самолет благополучно покинули 27 человек. В момент освобождения последние сомнения в агрессивности неизвестного развеялись.

Прибывшие на место происшествия оперативные и резервные группы, получив необходимый инструктаж, заняли исходные позиции. Самолет был скрытно блокирован, место его стоянки оцеплено воинскими подразделениями. Штаб дал команду прекратить полеты, усилить режим и охрану в аэропорту. Группа фильтрации из сотрудников КГБ и транспортной прокуратуры приступила к допросу освобожденных пассажиров. Однако полученная информация оказалась скучной. Удалось лишь уточнить приметы неизвестного, который в переговорах с членами экипажа назывался Виктором, и его месторасположение (место 6-Г) в салоне самолета. Этого было явно недостаточно.

После короткого обсуждения сложившейся обстановки оперативный штаб принял решение направить в самолет группу парламентеров. Все согласились, что это должны быть люди, хорошо разбирающиеся в авиации, с достаточным жизненным и профессиональным опытом, обладающие способностью влиять на собеседника. Такие нашлись. В группу вошли офицер действующего резерва КГБ СССР заместитель начальника Бакинского аэропорта по режиму и охране О. Г. Алиев, сотрудник КГБ СССР С. А. Бурмистров, сотрудник МВД СССР А. А. Аслаханов. Их экипировали в форму авиаработников.

Парламентерам поставили задачу изучить обстановку в салоне самолета, выяснить состояние экипажа и оставшихся на борту пассажиров, уточнить возможные варианты проникновения группы захвата в самолет и способы проведения оперативно-технического мероприятия по слуховому контролю. При этом учитывалось, что преступник контролирует переговоры членов экипажа через самолетное переговорное устройство (СПУ).

Кроме того, на них возлагалась задача, вступив в непосредственный контакт с преступником, определить реальность его намерений по возможному уничтожению самолета, психологическое состояние, степень агрессивности, характерные особенности личности. Важно было выявить его возможных сообщников в салоне, а также наличие у них оружия. Заход группы в самолет легендировался необходимостью доставки пассажирам пищи и воды.

В ходе переговоров преступник, находившийся в служебном помещении бортпроводников, заявил, что на борту кроме него находятся два его сообщника. У каждого из них есть пульт дистанционного управления взрывным устройством, которое они укрыли в багаже и ручной клади. Оно имеет реле времени, установленное на семь минут. Если своевременно не подать радиосигнал на блокировку электронной системы автоматического управления взрывного устройства, то оно сработает. Во время беседы преступник постоянно держал руку внутри черной сумки, висящей у него на груди, и через каждые пять-шесть минут производил какие-то манипуляции.

Переговоры с преступником продолжались более семи часов. Затяжка времени в данном случае шла на пользу дела. Парламентеры периодически покидали самолет и вновь возвращались, используя каждый раз различные благовидные предлоги. Содержание бесед с преступником передавалось в штаб для анализа и выработки решений. Определению правильной тактики дальнейших действий во многом способствовало использование оперативной техники, позволяющей осуществлять надежный слуховой контроль за обстановкой на борту самолета.

Общение с преступником показало, что отказываться от своих требований он не собирается. Оценив сложившееся положение, штаб принял решение определить его психологическое состояние, прибегнув к помощи специалиста-психолога. В случае успеха можно будет прогнозировать его возможные действия. Под видом сотрудника Министерства иностранных дел на борт самолета поднялся известный в республике психолог Т. Дадашев, который дал развернутые поведенческие характеристики объекту. Его выводы дополнили имеющиеся в распоряжении штаба данные о личности преступника.

Одновременно по указанию руководства центрального штаба операции «Набат» проводились оперативно-розыскные мероприятия в аэропортах Воронежа и Астрахани. Опрашивались лица, участвовавшие в регистрации, досмотре и посадке авиапассажиров указанного рейса. Опрос велся с учетом переданных из республиканского штаба примет преступника и его места в салоне воздушного судна. По мере получения необходимых данных на пассажиров проводилась их проверка по учетам КГБ—МВД.

Оказалось, что преступник вылетел из аэропорта Воронежа по документам на имя Мушникова Виктора Евгеньевича, являющегося, по полученным из КГБ СССР данным, жителем Москвы. Дополнительно удалось установить, что В. Е. Мушников в данный момент находится по месту жительства и что около года назад у него были похищены личные документы.

Преступника убедили в том, что выполнение требования вылететь в Непал или Пакистан возможно на самолете Ту-154, имеющем необходимую дальность полета, и при наличии подготовленного к международным линиям экипажа. Преступник, давая согласие на эту замену, поставил условие: перегрузить весь багаж с захваченного самолета на новый, подчеркнув при этом, что вы-

полнение требований будет контролироваться его сообщником путем осмотра самолета и багажа. Ссылаясь на отсутствие в банках Баку требуемой преступником суммы, его убедили и в том, что на доставку валюты из Москвы также нужно время. Он согласился с такими аргументами, особенно после беседы с сотрудником КГБ, который поднимался на борт под видом работника отделения республиканского Госбанка.

При ведении радиосвязи с экипажем нами учитывалось, что, находясь в служебном помещении бортпроводников, преступник вполне может ее контролировать, поэтому приходилось прибегать к разного рода условностям при передаче летчикам команд и рекомендаций штаба.

Надежно сработали и наши парламентеры. От их внимания не ускользнули ни одно действие, ни один жест преступника. Установив с ним некоторый психологический контакт, они зафиксировали допущенную им «оплошность». В один из моментов преступник забыл о «блокировке» взрывного устройства: одиннадцать минут не производил никаких манипуляций в своей сумке, чего ранее не допускал. Опомнившись, он вновь якобы снял «блокировку» и в дальнейшем от своей линии поведения не отходил.

Получив данную информацию, штаб принял решение о конспиративной замене багажа и проверке его на наличие взрывоопасных предметов в специально отведенном месте. Таких предметов обнаружено не было.

Правильно выбранная тактика затягивания переговоров позволяла штабу принимать взвешенные решения, контролировать обстановку в аэропорту, получать дополнительную информацию (как оперативную, так и официальную) из Москвы, Воронежа, Астрахани, вести подготовку групп захвата.

Тщательно проанализировав всю имеющуюся информацию, в штабе сделали предположение об отсутствии у преступника сообщников и взрывного устройства. Об этом свидетельствовали факты, полученные в ходе операции: он забыл вовремя «заблокировать взрывное устройство», отказался от осмотра «сообщником» самолета Ту-154 и багажа, подготовленного для перегрузки. Кроме того, в багаже отсутствовали взрывоопасные предметы, а бортпроводники и оперативная техника не зафиксировали контактов преступника с кем-либо из пассажиров. Вместе с тем, несмотря на определенную «покладистость», преступник время от времени становился агрессивным и, угрожая расправиться с заложниками, требовал выполнения своих условий.

В сложившейся ситуации штабом было принято решение обезвредить преступника без риска для пассажиров и экипажа. Получив санкцию центра, группа захвата приступила к выполнению задачи. Проникнув через грузовой отсек и кабину пилотов в самолет, чекисты блокировали пассажирский салон. Парламентерам отводилась важная роль по отвлечению преступника. Но вышло все несколько иначе. Наши товарищи-парламентеры, в очередной раз находившиеся на борту самолета, воспользовались тем, что преступник, закуривая, вынул руку из сумки, скрутили его, не дав воз-

можности совершить какие-либо действия. После завершения операции группа ликвидации угрозы взрыва тщательно обследовала салон, однако и там взрывного устройства не обнаружила.

Первоначальными следственными действиями была установлена личность задержанного. Им оказался С. Л. Скок, 1966 года рождения, русский, находившийся во всесоюзном розыске в связи с возбуждением в отношении его уголовного дела по ч. 3 ст. 84 УК УССР. Более года он проживал по похищенному паспорту. В нем имелись явные следы подделки: на переклеенной фотографии в правом нижнем углу заметны следы клея, в правом верхнем отсутствовал рельефный штамп установленного образца и т. д. Тем не менее преступнику по этому паспорту не только удалось купить авиабилет и пройти спецконтроль, но даже дважды устроиться на работу: в один из театров города Казани и в Дом культуры совхоза «Армавирский» Краснознаменского района Целиноградской области.

В ходе проведения операции «Набат» необходимо отметить грамотные действия экипажа самолета, бортпроводников, проявивших самообладание в экстремальной ситуации, четкое взаимодействие работников гражданской авиации, подразделений КГБ, МВД и воинских формирований, сотрудников, обеспечивших оперативной связью штаб с заинтересованными ведомствами. На протяжении всей операции велась работа по протоколированию деятельности оперативного штаба, своевременно передавалась информация в центр, где постоянно на связи находились члены центрального штаба, оказавшие нам практическую помощь. От начала до конца операции следственные работники КГБ и транспортной прокуратуры тщательно документировали преступные действия. На заключительном этапе группа фиксации засняла на видеопленку преступника, его вещи, свидетелей из числа пассажиров.

Успешному проведению операции «Набат» в Бакинском аэропорту 30—31 марта 1989 года в немалой степени способствовала правильно организованная, слаженная работа республиканского оперативного штаба. К обсуждаемым вопросам привлекались соответствующие специалисты, перед исполнителями ставились четкие, конкретные задачи, выполнение которых строго контролировалось. Сыграли свою положительную роль хорошие подготовка и тренированность оперативных групп.

Одним из недостатков при проведении операции были попытки руководителей ряда оперативных групп увеличить численность военнослужащих сверх необходимой потребности. Отмечались вначале факты недостаточно качественной связи с центром. Возможно, следует пойти на объединение групп оцепления и основного блокирования в одну при сокращении ее количественного состава. Это способствовало бы более конспиративному размещению группы. Целесообразно также иметь группу анализа и оценки информации, а в плане операции определить ответственного за ведение протокола, предусмотрев обеспечение его соответствующей оргтехникой.

И последнее. Чтобы предотвратить распространение различного рода слухов и домыслов, оказать влияние на формирование населения правильного понимания действий по освобождению заложников, руководители оперативного штаба провели пресс-конференцию с участием корреспондентов центральных и республиканских газет. Итоги операции широко освещались в прессе и по телевидению. При этом принимались все необходимые меры, чтобы воспрепятствовать расконспирации методов работы по обезвреживанию террориста.

Практика проведения этой операции еще раз убедительно показала, что залогом успеха мероприятий по освобождению заложников и пресечению преступных акций являются четкое взаимодействие органов и подразделений КГБ, министерств внутренних дел, обороны и гражданской авиации СССР, надежная боеготовность их сил и средств.

г. Баку

НЕ ОСТАВЛЯТЬ БЕЗ ВНИМАНИЯ

Майор П. ГОНТАРЕВ

12 сентября 1988 года в Управление КГБ УССР по Полтавской области поступило сообщение о том, что в 2 часа 10 минут на 182-м километре перегона Лубны—Блок-пост 183 км Полтавского отделения Южной железной дороги произошел сход тепловоза и шести вагонов скорого поезда № 64 сообщением Киев—Харьков. Два пассажира получили телесные повреждения. На пять часов прервалось движение поездов. Ущерб составил около 30 тысяч рублей. Полтавская транспортная прокуратура возбудила уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 78 УК УССР (повреждение путей сообщения и транспортных средств).

На место происшествия незамедлительно выехала оперативно-следственная группа УКГБ совместно со следственной группой УВДТ и следователем транспортной прокуратуры. Туда же прибыла ведомственная комиссия, в состав которой оперработник включил двух агентов и трех доверенных лиц.

В ходе осмотра места крушения обнаружили разболченный 12-метровый температурно-разрядный наружный рельс четного пути, опрокинутый головкой внутрь колеи, без видимых следов механического воздействия, элементы разболченного стыка (две накладки, болты, гайки, шайбы), два лома, молот, кусок трубы.

На откосе насыпи железнодорожного полотна обратили внимание на дорожку следов человека. Была применена служебно-розыскная собака, которая взяла направление в сторону города Лубны, однако из-за выпавшей росы след потеряла. Оперативная группа провела тщательный физический осмотр прилегающей местности, в ходе которого на городском кладбище обнаружили висевший на дереве труп мужчины. Им оказался житель Лубны Леонов Сергей Михайлович, 1959 года рождения, рабочий водоочистных сооружений. Рядом с трупом находилась хозяйственная сумка с двумя рожковыми ключами 32×36 мм, 41×46 мм; разводным ключом, зафиксированным под гайку М-36; гайкой М-36 крепежа железнодорожного пути; рабочими рукавицами. На этих предметах, а также руках и одежде трупа имелись обильные следы технической смазки, используемой на железной дороге. В карманах одежды Леонова нашли фонарик, два листа бумаги, содержащие записи о прохождении поездов непосредственно в месте аварии в ночное время: «Киев — Харьков 2.10, Киев — Кременчуг 3.15, Киев — Караганда — Челябинск 2.30, Львов — Харьков 5.20»; набор слов: «деньги, ключи, трубу и лом, фонарик, наставкой выбить болты, 2 ломика, кувалду»; рисунок с указанием места жительства Леонова, кладбища с подготовленной ямой для захоронения, с двумя линиями, перечеркнутыми крестом, и надписью: «Прошу поховать у ції могилі, що я викопав сам». Недалеко от дерева, на котором висел труп, действительно обнаружили свежевырытую могилу.

При обыске в доме Леонова изъяли болт с гайкой М-36, ключ 32×36 мм и тетрадь с различными записями. Криминалистическое исследование подтвердило, что листы, найденные в одежде трупа, вырваны из этой тетради и записи в них исполнены Леоновым.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Леонова наступила от асфиксии между 4 и 5 часами 12 сентября 1988 года. Следов возможной причастности других лиц к его смерти не обнаружено.

Следственным и оперативным путем установили, что Леонов с 1980 года состоял на учете в психоневрологическом диспансере с диагнозом «шизофрения в параноической форме», вел замкнутый образ жизни, дружеских отношений ни с кем не поддерживал, по работе характеризовался положительно. До мая 1988 года работал почтальоном в Лубенском районном узле связи, откуда был уволен в связи с утратой доверия. К увольнению относился болезненно, действия администрации считал незаконными и пытался оспорить их в суде, неоднократно высказывал намерение покончить жизнь самоубийством. В то же время каких-либо данных о склонности Леонова к совершению действий экстремистского характера получено не было.

Машинисты локомотивов показали, что в месте крушения часто замечали странного молодого человека, приветствовавшего проходящие поезда взмахами рук и поклонами. Приметы неизвестного совпадали с приметами Леонова. Соседи последнего сообщили, что

11 сентября 1988 года он на велосипеде привез домой лом и в сумке какие-то тяжелые предметы.

Одновременно тщательно проверялись версии о повреждении пути враждебными элементами с целью диверсии, на почве недовольства действиями администрации отделения дороги, с целью мести конкретному лицу, из хулиганских побуждений. Однако материалов, заслуживающих оперативного внимания, в процессе исследования этих версий получено не было.

Таким образом, в короткий срок удалось собрать бесспорные доказательства совершения общественно опасного деяния душевнобольным Леоновым.

Успешному расследованию данного дела способствовали четкое взаимодействие оперативно-следственной группы УКГБ с работниками органов внутренних дел и транспортной прокуратуры, своевременный и квалифицированный осмотр места происшествия, правильная организация розыскных мероприятий.

Комитет госбезопасности Украины и МВД республики в специальной ориентировке обратили внимание территориальных подразделений на усиление контроля за поведением душевнобольных, предложили принимать незамедлительные меры по своевременной госпитализации тех из них, действия которых представляют повышенную общественную опасность.

г. Киев

ОНИ ЕЩЕ В ПОДПОЛЬЕ И ДЕЙСТВУЮТ

Подполковник А. ГАНЕНКО,
майор А. БУГАЯН,
подполковник В. НОВИКОВ

Иеговистские сектантские авторитеты продолжают изыскивать возможности создания нелегальных печатных точек для размножения и последующего распространения не только религиозной, но и в ряде случаев такой литературы, которая формирует у верующих фанатизм, экстремистские настроения, негативное отношение к советской действительности. В связи с этим важно во время выявлять и ликвидировать нелегальные сектантские печатные звенья.

Об опыте организации этой работы можно рассказать на примере оперативного обеспечения молдавской секты «свидетели Иеговы», являющейся самой многочисленной и наиболее реакционной из незарегистрированных религиозных формирований в республике. По существу, это широко разветвленная, централизованная сектантская организация с твердой дисциплиной, хорошо поставленной внутренней связью и строгой конспирацией.

Через оперативные возможности молдавскими чекистами были зафиксированы отдельные сигналы о том, что в секте создана и функционирует новая нелегальная печатная точка. Первоначальные попытки выявить ее через агентурные возможности не дали результата. Сектанты действовали скрытно, строго соблюдали конспирацию.

В результате анализа удалось выделить и привести в определенную систему признаки, характерные для деятельности сектантов, специализирующихся на размножении литературы в нелегальных условиях.

В частности, к общим признакам вероятных мест размещения печатных точек можно отнести наличие удобных подъездов к домовладению, удаленность его от других жилых строений либо расположение по соседству с домами, принадлежащими единоверцам. Владельцами таких домов, как правило, являются малоактивные сектанты, ранее не привлекавшие внимания органов госбезопасности.

Признаками, свидетельствующими о подготовке условий для функционирования печатных точек, могут быть: переселение отдельных сектантов без особой причины в небольшие станицы, деревни, хутора; неоправданная перестройка домов (возвведение пристроек с отдельными выходами на улицу, переделка чердачных и подвальных помещений, оборудование их отоплением, водопроводом, вытяжной вентиляцией, электропроводкой, световой и звуковой сигнализацией и т. п.); появление в доме сектанта лиц, связанных с нелегальной издательской деятельностью (объекты дел оперативного учета, их связи); приобретение путем покупки, изготовления, хищения, нелегальной доставки из-за границы множительной техники, приспособлений для печати, материалов для выполнения печатных и переплетных работ (типографские краски, шрифты, картон, нитки, клей и т. п.); доставка и хранение значительного количества бумаги; стремление получить доступ к множительным аппаратам учреждений и предприятий; попытки выявить наружное наблюдение на маршрутах доставки типографских принадлежностей и т. д.

Наиболее оперативно значимыми для розыска нелегальных печатных звеньев являются признаки, указывающие на скрытое их функционирование: изменение степени освещенности комнат в ночное время, что заметно при резком увеличении нагрузки в сети; наличие в помещениях специфического запаха, а на одежде и руках сектантов — следов типографской краски; скопление нелегальной литературы, бумаги и других материалов, отходов печатного процесса; периодический вынос из дома ручной клади значительного веса; изменение хозяевами дома привычного образа жизни (ограничение связей с единоверцами, повышенная настороженность); периодические заезды на автомашине посторонних лиц; систематическая закупка продуктов в количестве, превышающем естественные потребности семьи; особое расположение руководителей религиозной общины к подозреваемому и др.

Такая систематизация признаков позволила наиболее рационально провести комплекс агентурных и оперативно-технических мероприятий по розыску и ликвидации нелегальной печатной точки в селе Крива Бричанского района Молдавской ССР.

На основе анализа сигналов в отношении сектантов-иеговистов методом исключения был определен круг лиц, скорее всего причастных к работе нелегальной печатной точки. Организовали их оперативное изучение, активно маневрируя при этом агентурой.

В январе 1987 года от агента «Светлова» поступил сигнал о возможном функционировании печатной точки иеговистского подполья в одном из сел Бричанского района и причастности к ней члена совета старейшин собрания иеговистов Савельева, в последнее время не проявлявшего большой активности в сектантской группе. В ходе проверки сигнала через агентов «Дунаева» и «Днестровского» выяснили, что дом Савельева расположен недалеко от трассы Одесса — Черновцы. К нему часто приезжают гости на автомашинах. Сектант проявляет повышенный интерес к появлению среди своих соседей посторонних лиц и принимает меры предосторожности. Все это подтверждало подозрение источника «Светлова» о том, что в доме Савельева или его связей может размножаться иеговистская литература.

Предстояло выявить место и время работы печатной точки. На это были нацелены необходимые силы и средства.

От опытного агента «Кодряну» поступили данные, что матрицы журнала «Сторожевая башня» передаются на печатную точку через установленных сектантских курьеров Гажиу и Присакару, жителей Черновицкой области. Для выявления ее местонахождения по согласованию с Пятым управлением и с санкции руководства КГБ ССР было решено провести оперативно-техническое мероприятие. В соответствии со специально разработанным планом полученные от «Кодряну» матрицы журнала «Сторожевая башня» были обработаны метящим материалом, после чего направлены источником по каналу связи. Через несколько дней стараниями курьеров, посетивших ряд адресов на территории Молдавии и Украины (все это контролировалось службой наружного наблюдения), меченный материал был доставлен в дом Савельева и там оставлен.

Заблаговременно установили доверительные отношения с одним из соседей Савельева, у которого под соответствующей легендой организовали закрытый пост наружного наблюдения. Однако за период десятидневного круглосуточного наблюдения за объектом не удалось выявить признаков приготовления к работе печатной точки. В этой связи приняли решение провести оперативную комбинацию: организовать «случайную» встречу Савельева с агентом «Светловым», чтобы получить дополнительную информацию о возможной работе печатной точки. Через агента «Прутяну», разумеется не посвящая его в суть дела, организовали якобы для решения некоторых внутрисектантских проблем встречу членов совета старейшин с участием Савельева и «Светлова». Методом выведения «Светлов» получил сведения о том,

что на печатной точке кроме Савельева работают два приезжих «брата», один из них — объект дела оперативной разработки УКГБ УССР по Черновицкой области Присакару. Печатная точка работает периодически и обеспечивает религиозной литературой верующих Молдавии, а также Черновицкой, Винницкой, Одесской, Николаевской, Херсонской и Крымской областей Украины. Беседа агента с объектом контролировалась оперативной техникой.

Дальнейшая работа показала, что в целях конспирации «печатники» при доставке грузов чаще всего пользуются железнодорожным транспортом и только в исключительных случаях приезжают к объекту на автомашинах. С учетом этого и в связи с тем что с закрытого поста вход в дом Савельева контролировался неполностью, было принято решение встречать все поезда из Черновцов и попытаться в потоке пассажиров опознать Присакару по фотографии и имеющимся приметам. Наблюдение на станциях Липканы и Крива велось конспиративно, связь с закрытым постом осуществлялась радиосредствами.

Спустя две недели к объекту приехали на автомашине с номерным знаком Черновицкой области двое мужчин, которые, соблюдая меры предосторожности, выгрузили несколько коробок, предположительно с писчей бумагой. На следующий день Савельев закупил в местном магазине значительное количество продуктов. Это дало основание предположить, что группа лиц готовится приступить к работе на печатной точке.

Весь день объект вел себя настороженно, нервничал, постоянно следил за прохожими, подолгу простоял возле калитки, наблюдал за движением на улице и у дома напротив. С наступлением сумерек с закрытого поста был замечен мужчина, который с соблюдением мер предосторожности вошел во двор к Савельеву.

В тот же день по прибытии пригородного поезда на железнодорожную станцию Липканы в потоке пассажиров был опознан Присакару, направившийся к дому тестя. Рано утром Присакару вернулся на железнодорожную станцию и укрывался в кустах до отправления поезда, в который прыгнул на ходу. Предполагая за собой наблюдение, он за одну остановку до села Крива сошел с поезда, тщательно проверяясь, свернул на проселочную дорогу, ведущую к дому Савельева, и без стука открыл дверь. Спустя некоторое время на закрытом посту было зафиксировано перемещение меченого материала в доме. Все эти признаки в совокупности свидетельствовали о том, что печатная точка начала функционировать.

Для захвата с поличным работающих там сектантов была создана специальная группа, в которую вошли участковый инспектор РОВД, прапорщик пограничной заставы, три дружинника и председатель сельсовета. В помещении погранзаставы они были проинструктированы оперработником.

Войдя в дом Савельева под предлогом проверки паспортного режима в приграничной зоне, члены группы застали там кроме хозяина Присакару и некоего Постолаке (также житель Чер-

новцов) за размножением журнала «Сторожевая башня» на самодельном ротаторе. К этому времени они изготовили около 2000 ксерокопий.

В соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Молдавской ССР Присакару и Постолаке задержали и доставили на пограничную заставу, где им было инкримировано нарушение правил проживания в приграничной зоне. О факте задержания проинформировали пятый отдел УКГБ по Черновицкой области. Для беседы с сектантами из Черновцов прибыли два оперработника.

Во время разбирательства Присакару и Постолаке свою вину полностью признали, что было отражено в протоколе. За вышеуказанное правонарушение сектантов оштрафовали. Затем Постолаке и Присакару продемонстрировали приемы размножения иеговистской литературы. Их действия документировались съемочной группой республиканского телевидения, и этот материал использовался в документальном фильме «Еще раз о свободе совести» и телепередаче «К свету», показанных широкой аудитории в контрпропагандистских целях.

Обнаруженные у Савельева печатные средства, изготовленная иеговистская литература в соответствии с приказом МВД и Госкомиздата СССР № 500/240 от 10 декабря 1986 года были изъяты.

Савельева профилактировали с участием общественности по месту жительства.

В целях зашифровки агентов «Светлова» и «Прутяну» до объекта довели информацию, что обнаружение печатной точки — следствие проявления бдительности его соседом, который якобы случайно увидел, как поздно ночью к Савельеву вошли двое неизвестных, и сообщил об этом председателю сельсовета, а тот проинформировал участкового милиционера и пограничников.

Так общими усилиями была выявлена и ликвидирована нелегальная печатная точка сектантов-иеговистов.

г. Кишинев

СЛЕДСТВИЕ И ДОЗНАНИЕ

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭВМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Подполковник юстиции М. ГЕОРГИЦА,
капитан И. ТАНОШКИН

Стремительное развитие современного мира породило мощную волну научно-технического прогресса, обусловившую широкое внедрение электронно-вычислительных средств во все сферы человеческой жизни.

Веление времени коснулось и следствия. В соответствии с решением руководства Комитета госбезопасности СССР Следственным отделом КГБ СССР совместно с Научно-исследовательским информационно-аналитическим институтом (НИИАИ) ОТУ КГБ СССР с июня 1986 года проводится работа по созданию автоматизированной системы информационного обеспечения и управления следственной деятельности на базе ЭВМ (АСИОУ «Звезда»). В рамках намеченной программы проведены предпроектное обследование и научно-исследовательская работа (НИР) с целью проработки концепций создания автоматизированной системы Следственного отдела КГБ СССР.

Применение средств вычислительной техники начинается лишь после проведения предпроектного обследования и научно-исследовательской работы, что, как правило, требует довольно длительного периода — иногда даже нескольких лет. Это обстоятельство нас не устраивало. Поэтому уже на стадии НИР были приняты меры к получению персональных ЭВМ (ПЭВМ) отечественного и зарубежного производства, которые определили в качестве технической базы автоматизированной системы Следственного отдела. Таким образом мы получили возможность на практике апробировать результаты исследований, осуществить экспериментальные проработки. Нестандартный подход к созданию АСИОУ «Звезда» привел к весьма существенной экономии времени по внедрению ЭВМ в следственную деятельность.

По мере накопления практического опыта использования ПЭВМ возникла идея создания автоматизированного рабочего места (АРМ) следователя на базе ПЭВМ марки «Роботрон-1715».

Решили провести эксперимент. На первом этапе предусматривалось использование машины лишь для работы с текстовыми материалами, то есть для подготовки процессуальных и иных документов по уголовным делам, для чего использовалась типовая программа (текстовый редактор).

Текстовый редактор позволяет создавать, редактировать, форматировать документы, менять местами части текста, вставлять в данный документ текст, записанный под другим именем на диске, вводить в текст метки, с помощью которых можно быстро переходить от одной части текста к другой, и т. п. Документ может быть сохранен на диске, воспроизведен на экране дисплея для дальнейшей обработки и распечатан.

В ходе эксперимента разработали экранные представления 32 типовых образцов постановлений, протоколов и иных документов, наиболее часто изготавливаемых следователями по уголовным делам.

Следующим шагом было создание форм эпизодников и лицевых счетов проходящих по делам граждан, учета предметов и документов. Для каждого следователя нами подготовлена индивидуальная дискета с образцами документов, где указаны его фамилия, должность, звание и иные необходимые данные. Кроме того, были разработаны инструкции пользователя по работе с АРМ и проведено обучение группы следователей работе на ПЭВМ в течение 22—24 часов.

Ввиду отсутствия в тот период специальных технических устройств для защиты секретной и совершенно секретной информации от утечки за счет побочных электромагнитных излучений и наводок, приняли решение провести эксперимент на базе подразделения Следственного отдела, занимающегося расследованием уголовных дел о контрабанде, так как по этим делам редко встречаются секретные материалы.

С января 1988 года в течение шести месяцев пять АРМ использовались для автоматизированного изготовления, редактирования и печатания процессуальных и иных документов, а также накопления, хранения и обработки по заданным критериям совокупной информации по преступным эпизодам, предметам и лицам, проходящим по шести уголовным делам о контрабанде.

Так, по уголовному делу на Бишкинского и Безуевского, расследованному бригадой следователей, ЭВМ применялась в основном для ведения эпизодников, лицевых счетов и подготовки всех рабочих и обобщающих документов. Хотелось бы отметить, что, несмотря на значительный объем информационно-аналитической работы по делу (исследование подвергалось более 45 преступных эпизодов), следователь, обеспечивавший данный участок с помощью машины, за счет сэкономленного времени получил возможность помочь остальным членам бригады в производстве следственных действий.

По уголовным делам электронно-вычислительные машины на первых порах использовались большей частью для подготовки

процессуальных и иных документов, а затем и для учета добываемых материалов.

Как известно, по делам о контрабанде у следователя часто возникает потребность в проведении различных многочисленных подсчетов количественных показателей преступных операций. В этих целях была подобрана и использована программа обработки электронных таблиц «супер-калк», с помощью которой пользователи стали легко и быстро осуществлять требуемые сложные подсчеты.

Программа обработки электронных таблиц позволяет формировать требуемый шаблон, фиксируя необходимую текстовую информацию, вводить исходные данные и задавать зависимость одних данных от других, описывая формулы для расчета производных данных, получать автоматически итоговые значения по строкам и столбцам таблицы, копировать значения как отдельных ячеек, так и целых ее фрагментов, выполнять автоматический перерасчет всех производных и итоговых данных при изменении входных. Кроме того, сформированная электронная таблица становится документом, который может многократно использоваться, легко модифицироваться и выводиться на печать в нужном количестве экземпляров.

Для определения эффективности использования электронно-вычислительной техники, направлений ее применения, а также выяснения других показателей пришлось разработать специальную карточку учета результатов эксперимента. В ней зафиксировали хронометраж 299 мероприятий, проводимых четырьмя следователями в ходе работы по пяти уголовным делам (хронометраж по одному из уголовных дел не производился, так как ПЭВМ следователю предоставили к концу расследования дела). Анализ показал, что основными направлениями применения ПЭВМ являются: автоматизированная подготовка процессуальных и иных документов — 218 (73%); хранение, обработка и учет материалов дела — 69 (23%); осуществление иных операций — 12 (4%). Испытания АРМ показали, что электронно-вычислительные машины использовались: при подготовке к мероприятию в 63 случаях (21%); в ходе мероприятия в 206 случаях (69%); после проведения мероприятия в 30 случаях (10%).

Эксперимент показал, что на подготовку 281 документа с помощью ЭВМ следователями затрачено 475,2 часа машинного времени. Без указанной техники, по оценке самих пользователей, на эти же цели потребовалось бы не менее 1021 часа. Другими словами, использование ЭВМ в среднем позволило повысить производительность труда следователей при изготовлении процессуальных и иных документов, а также при учете материалов по делу в 2,2 раза, а при подготовке обобщающих документов (постановлений, обвинительных заключений, справок и т. п.) более чем в 3 раза.

Следователи — участники эксперимента отмечают простоту и легкость освоения ими АРМ, высокую степень надежности программных и технических средств ПЭВМ, их положительное влия-

ние на условия труда следователя в целом: психологическое раскрепощение и возможность сосредоточить внимание на тактической стороне работы по делу, многократное использование введенной в память машины информации, ослабление зависимости от машбуло-ро и КМБ. Помимо этого, использование ПЭВМ способствовало экономии бумаги за счет отпадения надобности в составлении черновиков при изготовлении документов и возможности редактирования подготовленного материала на экране без его распечатки. Полученные данные свидетельствуют, что экономия бумаги при этом составляет 1,03 листа на каждый подготовленный лист документа, то есть расход бумаги уменьшился вдвое.

Исполненные с помощью персональных ЭВМ процессуальные и иные документы отвечают требованиям Уголовно-процессуального кодекса и принятым в нашей стране реквизитам ГОСТа. Они выполняются на стандартной писчей бумаге, подписываются соответствующими лицами — субъектами уголовно-процессуальной деятельности, участниками следственных действий и без каких-либо ограничений используются в уголовных делах, а также для переписки с другими подразделениями КГБ, организациями и ведомствами.

Таким образом, проведенные в Следственном отделе КГБ СССР испытания АРМ следователя показали, что уже в настоящее время использование ПЭВМ в работе по уголовным делам позволяет: снизить трудозатраты на непроизводительные операции; значительно сократить время на оформление процессуальных и иных документов; повысить качество и культуру документов; обеспечить высокую точность и быстроту расчетов количественных показателей по преступным операциям; оперативно и многократно использовать накопленную информацию; сэкономить средства, необходимые для изготовления бланков различных процессуальных документов, и значительное количество бумаги; создать более благоприятные условия для творческой работы следователей по делу, что в конечном итоге ведет к сокращению сроков расследования уголовных дел.

По нашему мнению, даже первый опыт применения АРМ следователя свидетельствует о необходимости внедрения персональных ЭВМ в следственную практику, тем более, что их возможности далеко не исчерпаны. Совершенствование АРМ на основе более надежной и современной техники продолжается.

Проделанная работа и ее результаты являются, на наш взгляд, начальным этапом в решении более сложной задачи — использование средств вычислительной техники для анализа материалов уголовного дела. Сущность такого анализа, как нам представляется, должна состоять в расчленении и группировании полученной информации, изучении и сопоставлении отдельных фактов, эпизодов преступной деятельности, умении видеть их в движении, а также обособленно от других фактов, в правильном объяснении возможных причин их возникновения и развития, установлении логической связи между имеющимися по делу фактами и дей-

ствиями конкретных лиц, в осуществлении возможности оперативного поиска необходимой информации (доказательств), контроле следствия по делу или отдельных его направлений, выявлении противоречий, упущений в материалах дела или действиях конкретных исполнителей, своевременном использовании полученных результатов.

Для выполнения этой актуальной задачи целесообразно акцентировать внимание в первую очередь на решении вопросов, связанных с созданием пакета прикладных программ по комплексному анализу материалов уголовного дела и моделированию процесса расследования, а также на объединении ПЭВМ следователей в локальные сети (от 2 до 10—12 машин) для обмена информацией между ними при работе групповым методом. В данном случае необходимы не только теоретические, но и более активные практические (экспериментальные) исследования.

г. Москва

От редакционной коллегии. По нашему мнению, при анализе важных начинаний в следственной работе следует учитывать также экономический аспект, тем более когда речь идет о создании локальных систем с использованием в каждой от 2 до 10—12 ПЭВМ.

Нужно, видимо, чтобы каждая машина использовалась на полную мощность и прежде всего в аналитическом режиме, преимущественно по сложным уголовным делам.